

Уральский государственный педагогический университет
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ
ежегодной международной научной конференции
4–5 февраля 2011 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2011

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

Под редакцией:
доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. Сергеева

Научный редактор:
кандидат педагогических наук, доцент
Е. Е. Горшкова

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Сборник
А 43 тезисов докладов ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 4–5 февраля 2011 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 112 с.

Сборник включает тезисы докладов и сообщений, прочитанных в рамках конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованных кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 4–5 февраля 2011 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

© Институт иностранных языков, 2011
© ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2011

Оглавление

Пленарные доклады.....	9
<i>Чудинов А. П.</i> Дискуссии о национальной картине мира	9
<i>Шань Саншань.</i> Feature and Image of Barack Obama from One Word “Measure” on. Черты характера и имидж Барака Обамы, которые можно выделить посредством анализа лексемы «Measure»	10
Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, диалектологии, языковых систем и др.	
<i>Андреанова А. Н.</i> Основные вехи в изучении деловой фразеологии	11
<i>Берчатова И. С.</i> Семантический анализ интернет-сленга.....	12
<i>Ванягина М. Р.</i> Современные англоязычные заимствования.....	13
<i>Воронин Р. А.</i> Направления исследования коммуникативных фразеологических единиц современного английского языка	14
<i>Гнедаш С. И.</i> Современные тенденции в провербиальном фонде немецкого языка.....	15
<i>Гузикова В. В.</i> Понимание односторонней идиоматичности в межкультурном аспекте	16
<i>Дрожжащих А. В.</i> Лексикографическое описание специальной банковской лексики в полифункциональном переводном словаре	17
<i>Кантышева Н. Г.</i> Актуальность лексикографического описания термина экологического аудита	18
<i>Колесниченко И. И.</i> Арготизмы немецкого языка с пейоративной стилистической окраской.....	20
<i>Колтунова С. В.</i> Проблема аналитической морфологии в испанской грамматике Сезара Удэна.....	21
<i>Конопляник Е. А.</i> Проблема сущности и классификации модальных слов.....	22
<i>Лукин О. В.</i> О термине «части речи».....	23
<i>Матвеева И. В.</i> Парадигматические характеристики компонентов поля персональности в современном немецком языке.....	25
<i>Меликова И. Э.</i> История развития наречий в русском языке (XVIII — XIX вв.)	25
<i>Плетнева Н. В.</i> Функциональные особенности усечений в современном английском языке.....	27

<i>Попова Л. В.</i> Особенности трактовки терминографии и лексикографии в работах отечественных и зарубежных исследователей	27
<i>Скрёбова Е. Г.</i> Особенности функционирования немецких сложноподчиненных предложений локализации в тексте	28
<i>Томилова А. И.</i> К вопросу о переводческой эквивалентности	29
<i>Федуленкова Т. Н.</i> Differentiation of Phraseological Units and their Biblical Prototypes	31
<i>Филипаци Ю. А.</i> К вопросу о происхождении формы глагола <i>хе</i> в венецианском диалекте: синтагматический аспект	32
<i>Хрущева О. А.</i> Типология имен собственных, образованных на базе блендинга	34
<i>Хузина Е. А.</i> К вопросу о выражении модальности долженствования инфинитивных конструкций в языке русских пословиц и поговорок	35
<i>Чукреева Е. И.</i> Гносеологические аспекты технических артефактов	35
<i>Шагеева А. А.</i> Индекс цитирования: лингвистический ракурс	36
<i>Шумарин С. И.</i> Аббревиатуры-прилагательные в современном русском языке	37
Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области когнитивной лингвистики, дискурса и стилистики	
<i>Быкова Т. Ю.</i> Милитарная метафорика в советской прессе 1930—1935 гг.	39
<i>Ваганова Т. П.</i> Концепт СМЕРТЬ/DEATH (на материале английского и русского языков)	40
<i>Гайворонская А. М.</i> Инверсии концептов «доверие» и «обман» в русской и английских эпистемах XIX века	41
<i>Денисова С. Н.</i> Лингвокультурная идея	42
<i>Евдак А. Н.</i> Роль метафоры в языке с точки зрения социолингвистики (на примере концепта кризис)	43
<i>Завьялова Н. А.</i> Дискурс повседневности в китайских и японских фразеологических единицах	44
<i>Кошкарлова Н. Н.</i> «Борис, ты не прав!», или о пользе одной реплики	45
<i>Мандрикова Г. М.</i> Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков)	46

<i>Матыгина Е. Б.</i> Метафорическая модель «Сказка о справедливой войне» в официальных заявлениях Мадлен Олбрайт	47
<i>Олешков М. Ю.</i> Концептуальная интеграция в дискурсе	49
<i>Подвигина Н. Б.</i> Из истории возникновения когнитивной лингвистики	50
<i>Попова Н. В.</i> Бинаризм понятий красоты и безобразия в немецких и русских идиомах (на примере медиатекстов)	51
<i>Салатова Л. М.</i> Экономический кризис сквозь призму метафорических моделей	53
<i>Степанова Е. Д.</i> Характеристика субъекта-собственника в русской, английской и немецкой лингвокультурах	54
<i>Шемчук Ю. М.</i> Эстетическая функция обновленных номинаций	55
<i>Шимко Е. А.</i> Роль ментальных и вербальных структур национального культурного пространства в рамках этнолингвистического перевода	56
<i>Шишкина Т. С.</i> Речевые средства эмоциональной экспрессии в репликах участников неформального интервью: когниции, прагматика, модус	57
Литературоведение, перевод и интерпретация текста	
<i>Аликова Т. А.</i> Каламбур как форма реализации языковой игры и приемы его создания в романе Дж. Барнса «История мира в 10½ главах»	59
<i>Атултанова В. Б.</i> Смысловая структура текста и некоторые аспекты ее отражения в переводе	60
<i>Богачева Н. А.</i> Лексические особенности перевода юридической документации	61
<i>Божко Е. М.</i> Особенности передачи мер в переводах романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»	62
<i>Буренкова С. В.</i> О национальной специфике немецких и русских кинем	63
<i>Велижанина Е. М.</i> Семантическая сфера сакрально-религиозного текстатива в притчевом дискурсе Нового Завета	64
<i>Гендлер И. В., Головачева Ю. В.</i> Проблема музыкальной интерпретации поэтического текста (на материале романса А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне» и его музыкальных интерпретаций М. И. Глинки, М. А. Балакирева, С. В. Рахманинова)	65

<i>Данилова О. И.</i> К вопросу о сопоставительном исследовании доминантных метафорических моделей в художественном тексте (на материале романа Ф. Мориака «Клубок змей»).....	67
<i>Доценко Е. Г.</i> Антилогика войны у И. Макьюэна и Г. Грасса	68
<i>Кожевникова И. Ю.</i> Проблемы перевода высокой лексики.....	69
<i>Красноборова Л. А.</i> К вопросу об особенностях перевода инфинитива в современном французском языке	70
<i>Курницкая В. А.</i> Вставное произведение в комментарии романа-комментария «Подлинная история «Зеленых музыкантов» Е. Попова ..	72
<i>Ларцева Е. В.</i> Имена собственные и нарицательные американского происхождения в романе Ника Хорнби «Мой мальчик» (на примере слов музыкальной сферы).....	73
<i>Мальцева И. Г.</i> Роберт Мюллер.....	74
<i>Марова Н. Д.</i> Максимы интерпретации текста	75
<i>Мезенцева Т. А.</i> Эмотивная лексика в художественных текстах.....	76
<i>Мухамедова Э. В.</i> Объективация концепта дом в романе А. Кронины «Замок Броуди»	77
<i>Наумова В. С., Пестова Н. В.</i> Сема чувственности в лирике П. Больдта	78
<i>Фоменко Е. Г.</i> Эпифаническое откровение в языке Джеймса Джойса	79
<i>Чикваидзе А. А.</i> К проблемам перевода: влияние культуры на язык.....	80
<i>Шутёмова Н. В.</i> Становление понятия поэтического перевода	81

Теория и методика обучения языку и межкультурная коммуникация

<i>Абашина М. Г.</i> Литература Древней Руси в иностранной аудитории	82
<i>Бушманова Ю. А.</i> Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранному языку.....	83
<i>Гиниатуллин И. А.</i> Межкультурная коммуникация: деятельностное содержание в контексте речевой коммуникации	84
<i>Горшкова Е. Е.</i> Адаптация материалов международных экзаменов по ИЯ для рубежного и итогового контроля в вузе (на примере испанского языка).....	85
<i>Захарова М. А.</i> Обучение детей, страдающих нарушением опорно-двигательного аппарата, иностранному языку в условиях средней общеобразовательной школы.....	87

<i>Зеленина Л. Е., Сергеева Н. Н.</i> Специфика упражнений на снятие терминологических трудностей при обучении деловому общению (на примере итальянского языка).....	88
<i>Кокорина О. С.</i> Технологии Web 2.0 в обучении студентов иностранному языку.....	90
<i>Кузнецова Л. И.</i> Актуализация фреймового подхода в учебной лексикографии.....	91
<i>Лазутова Л. А.</i> К проблеме обучения фонетике иностранного языка в вузе.....	92
<i>Мельникова Е. М.</i> Психолого-педагогический аспект обучения будущих учителей музыки иностранному языку.....	93
<i>Ногучи Макото, Завьялова Н. А.</i> Direct Method in Teaching Japanese to Russian Students.....	94
<i>Овечкина Ю. Р.</i> Применение интегративного подхода в оценивании реальных достижений студентов языкового вуза в иноязычной письменной речи.....	95
<i>Пахарукова В. А.</i> Немотивированные реалии межкультурной коммуникации.....	97
<i>Походзей Г. В.</i> Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения.....	98
<i>Розотнева Н. С.</i> Личностные качества специалистов-лингвистов в составе лингво-нормативной учебной компетентности.....	99
<i>Свалова Е. В.</i> Проблемы преподавания английского языка в общеобразовательной школе.....	100
<i>Семенова М. Ю.</i> Самоидентификация носителей испанского языка в США.....	101
<i>Соснина Н. Г.</i> Научно-исследовательская компетенция в процессе профессиональной подготовки специалистов социокультурной сферы (на примере иностранного языка).....	102
<i>Уланович О. И.</i> Специфика репрезентирования и функционирования языковых знаков в сознании билингва.....	103
<i>Фрезе О. В.</i> Комплекс упражнений для обучения студентов неязыкового вуза письменному деловому общению в электронной среде.....	105
<i>Цаулян М. В.</i> On developing intercultural awareness through folktales at EFL classes.....	106
<i>Чекаль Г. С., Палий А. А., Плотников Е. А.</i> Реализация дидактических принципов в зачетных проектах студентов по курсу «Компьютерные технологии в обучении иностранным языкам».....	107

Чжао Цючже, Завьялова Н. А. Особенности преподавания китайского языка в России	108
Чиршева Г. Н. Переключения кодов и этапы развития детского билингвизма	109
Чуваева К. М. Курс русского языка в системе подготовки иностраных абитуриентов технических вузов Российской Федерации	110

Пленарные доклады

А. П. Чудинов

Екатеринбург, Россия, ap_chudinov@mail.ru

Дискуссии о национальной картине мира

Для дискуссий о реальности национальной картины мира характерны две полярных точки зрения — крайний релятивизм (неогумбольдтианство) и абсолютный универсализм. По мнению Патрика Серио, неогумбольдтианство характерно для исследований Анны Вежбицкой. Ее методологию швейцарский ученый определяет как поразительное сочетание, казалось бы, несовместимых научных направлений — абсолютного универсализма и крайнего релятивизма (неогумбольдтианства). В связи с этим профессор из Лозанны пишет: «То, что в XXI веке по-прежнему можно верить в «национальный характер народов», может показаться неправдоподобным» [Серио 2011].

В своей ответной публикации Анна Вежбицка стремится показать, что идеи Гумбольдта и его последователей кажутся ей значительно плодотворнее, чем методологический арсенал современной французской дискурсологии, на который опирается Патрик Серио. По мнению исследователя из Канберры, «в настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Вежбицкая 2008: 186].

Полемика между П. Серио и А. Вежбицкой по существу продолжает давние дискуссии том, в какой мере национальный язык влияет на мышление и определяет особенности личностной картины мира. По мнению Э. В. Будаева, при анализе публикаций по политической метафорологии «выделяются две противоборствующие парадигмы: лингвокультурологическая парадигма и парадигма универсализма. Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления» [Будаев 2010 а: 12; 2010 б: 22].

Представляется, что рациональное ядро содержится и концепциях универсалистов, и в концепциях специалистов, которые акцентируют национальные особенности языковой картины мира. Первые напоми-

нают о том, что люди — везде люди и каждый развитый язык создает возможности для оптимального выражения той или иной мысли. В соответствии со второй точкой зрения, национальный язык в значительной степени воздействует на мышление и, опираясь на анализ языка, можно выявить существенные особенности мышления людей, для которых этот язык является родным. Скорее всего, истина находится посередине, а учет аргументов, использованных в процессе рассматриваемой полемики, будет способствовать формированию взвешенной и объективной точки зрения на рассматриваемые проблемы.

© Чудинов А. П., 2011

Саниань Шань

Гуаньдун, КНР, discourse@yahoo.cn

**Feature and Image of Barack Obama from One Word
“Measure” on
Черты характера и имидж Барака Обамы,
которые можно выделить посредством анализа
лексемы «Measure»**

The popular question if Mr. Barack Obama is a principled pragmatist shows a worldwide interest in who he is as a USA president and the way he leads the nation. In the present study, instead of giving him a political identity category, I will try to understand how his presidency is constructed and construed from a discursive perspective. For this purpose, a corpus of his addresses is collected, containing two parts: the addresses during his election campaign and the addresses during his first year in the White House. This study consists of three sections. In the first, a featured expression “full measure of” in Obama’s inaugural address in 2009 is traced up and compared even with his keynote address at the Democratic National Convention in 2004. In the second, the nature and meaning of the expression are justified and explained to some extent. In the last, the key word “measure” from the expression is traced down again in the corpus along two directions, which shows how his political feature is constructed and thus his image should be construed.

© Шань Саниань, 2011

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, диалектологии, языковых систем и др.

А. Н. Андрианова

Северодвинск, Россия, kitty-105@mail.ru

Основные вехи в изучении деловой фразеологии

Опыт преподавания делового английского языка на специальном факультете свидетельствует о том, что изучение языкового материала в три этапа наиболее эффективно и практически оправдано.

Первый этап: Нефразеологические единицы:

а) интернациональные слова и выражения *credit, coupon, cheque, computer, debit, batik*;

б) слова и словосочетания, не имеющие признаков переосмысления компонентного состава, *profit on capital* — прибыль на капитал, *technique in operation* — применяемая технология, *consumer budget* — потребительский бюджет, *to sign an agreement* — подписать соглашение и др.

Второй этап: Фразеоматика.

Устойчивые сочетания слов с частично переосмысленным значением и с моделированным характером организации компонентного состава, или фразеологические сочетания, напр.: *Dutch auction* — такой аукцион, когда аукционист называет цену, постепенно снижая ее, пока не найдется покупатель, *contango day* — первый день двухнедельного расчетного периода на Лондонской бирже, *to manipulate the market* — манипулировать рынком, воздействовать на рыночную ситуацию, искусственно повышать или понижать цены и др.

Третий этап: Фразеология:

а) фразеологические единства, напр.: *to buy a pig in a poke* — покупать что-либо заглазно, *to pay one's way* — не влезать в долги, *to knock money off (goods)* — сбавлять цену на товары и др.;

б) фразеологические сращения, или идиомы, т. е. устойчивые сочетания слов с полностью переосмысленным значением, напр. *cook the books* (букв.: варить книги) — сфабриковать отчетность, фальсифицировать финансовую отчетность, *cats and dogs* (букв.: кошки и собаки) — сомнительные ценные бумаги, не могущие служить обеспе-

чением ссуды, *sharp practices* — (букв.: острая практика) — деловые операции, которые не являются честными и др.

Процесс изучения фразеологии должен находиться в тесной взаимосвязи с общим учебным процессом на факультете. Так, студенты финансово-экономических факультетов сначала или параллельно с изучением англоязычного делопроизводства знакомятся с основами мировой экономики и бизнеса. Это помогает обучающимся быстрее освоить особенности фразеологии делового языка, т. к. значительная часть фразеологических единиц в экономике обозначает реалии, характерные для деловой жизни Англии, США и других стран, и требует специальных фоновых знаний для их однозначного толкования.

© Андрианова А. Н., 2011

И. С. Берчатова

Екатеринбург, Россия, berchinka@mail.ru

Семантический анализ интернет-сленга

Ученые, занимающиеся семантикой, понимают ее предмет по-разному. Исходя из двух концепций семантики, мы будем апеллировать к широкой концепции семантики, сформулированной Кибриком А. Е.: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» (Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992).

Традиционно к лексическому значению относят наиболее существенную часть связанной с лексемой информации — ее денотат, сигнификат и некоторую часть прагматической информации.

Сленг — это совокупность слов и выражений, которые отходят от норм литературного языка или имеют значения, отличные от общеупотребительных, и употребляются представителями определенных сообществ, групп, профессий и т. п.

Интернет-сленгизмы *IMHO* и *AFAIK* (In My Humble Opinion — по моему скромному мнению; As Far As I Know — на сколько я знаю) используются для указания на то, что некоторое высказывание — не общепризнанный факт, а только личное мнение автора.

Из анализа следующей пары *TTYL* (Talk To You Later — поговорим попозже) и *CWYL* — (Chat With You Later — поболтаем попозже) мы видим, что говорящий не может общаться в данный момент, первая аббревиатура более нейтральна из-за использования глагола to talk.

При прощаниях интернет пользователь часто пишет *H* (hug — обнимаю), *K* (kiss — целую), выражая тем самым не только теплые и дружелюбные чувства по отношению к адресату, но и сообщая ему о том как дорог адресат говорящему. Для передачи более сильных чувств и указания на близость конкретного адресата говорящему стали использоваться: *H&K* (Hug And Kiss — обнимаю и целую), *BH* (Big Hug — крепко обнимаю), *BK* (Big Kiss — крепко целую), *GBH* (Great Big Hug — очень крепко обнимаю), *GBH&K* (Great Big Hug And Kiss — очень крепко обнимаю и целую).

Эта пара выражений *LYLAB* (Love You Like A Brother) или *LYLAS* (Love You Like A Sister) используется для передачи и хорошего отношения говорящего к адресату и значимости адресата, который, очевидно, занимает в жизни говорящего большее место чем просто друг.

Язык — это, прежде всего, средство выражения и передачи информации, а, значит, любой аспект его формальной структуры имеет, в конечном счете, семантическую мотивировку.

© Берчатова И. С., 2011

М. Р. Ванягина

Екатеринбург, Россия, marmalkina@gambler.ru

Современные англоязычные заимствования

Интенсивное проникновение в последнее время английских заимствований в русский язык вызвало полемику не только среди лингвистов. Плюсы заимствований: они отражают межкультурные связи между народами. Минусы заимствований: русский язык «засоряется» иноязычной лексикой.

В конце XX — начале XXI века русский язык активно вбирает в себя лексические единицы из английского языка. Этот процесс неизбежен из-за лидирующего положения английского языка в мире, распространения Интернета, расширения экономических связей с англоговорящими странами.

Заимствованные из английского языка слова можно условно поделить на следующие темы:

Темы	Примеры заимствований
Политика, экономика, СМИ	Рейтинг, электорат, импичмент, инаугурация, провайдер, менеджмент, маркетинг, дефолт, саммит, дэдлайн, паблисити, брэнд, офис, бизнесумен, прайслист, холдинг, шопинг, бартер, брокер, дилер, дистрибьютер

Мода, красота, спорт	Имидж, мэйк-ап, СПА, боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, байкер, шейпинг, фитнес, бодибилдинг, стретчинг, лифтинг, скраб, пилинг, карвинг, голкипер, форвард, пауэр-лифтинг
Компьютеры, интернет, техника	Интернет, e-mail, CDROM, чат, флешка, сайт, он-лайн, смайлик, СМС, спам, Web-дизайн, миксер, тостер, мобильник, иммобилайзер, спойлер, ноутбук, органайзер
Кино, музыка	Блокбастер, вестерн, прайм-тайм, киборг, терминатор, хит, сингл, ремейк, саунд-трэк, постер, супермен, шоу, киллер

В наш век научно-технического прогресса, мировой глобализации и международного сотрудничества происходит создание международной терминологии, единых наименований и понятий, явлений современной науки, экономики, культуры, что способствует закреплению заимствованных слов, получивших интернациональный характер.

© *Ванягина М. Р., 2011*

Р. А. Воронин

Северодвинск, Россия, doctor.voronin2010@yandex.ru

Направления исследования коммуникативных фразеологических единиц современного английского языка

Для начала отметим, что пословицы, вслед за А. В. Куниным, причисляем к коммуникативным фразеологическим единицам на основании их структурно-семантических особенностей.

В лингвистике последних двух десятилетий изучению пословиц как коммуникативных фразеологических единиц уделяется немалое внимание. В частности, последователи фразеологической школы А. В. Кунина, посвящают свои исследования рассмотрению таких проблем, как:

а) вопросы лингвистического статуса пословиц (Сошникова Н. В., Федуленкова Т. Н. Проблема лингвистического статуса пословиц // Герценовские чтения. Иностранные языки. СПб, 2008),

б) диахронический аспект развития пословиц (Fedulenkova T. Diachronic Approach to the Study of Communicative Phraseological Units // Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda. Aberdeen, 1999),

в) пословичная фразеологическая деривация в современном английском языке (Fedulenkova T. Derivational tendencies in communicative

phraseological units // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2005),

г) виды оценки в коммуникативной фразеологии (Федуленкова Т. Н. Эстетическая функция фразеологических единиц в речи // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. Ростов-на-Дону, 1997; Доржиева Э. Д. Этическая оценка в пословицах английского языка. М., 2003),

д) пословица как объект региональной культурологии (Дубровская О. Г. Русские и английские пословицы как лингвокультурологические единицы. Тюмень, 2002),

е) парадигматические отношения КФЕ (Федуленкова Т. Н. Синонимия в пословицах // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков. Томск, 1997),

ж) квантитативные изменения компонентного состава КФЕ (Федуленкова Т. Н. Фразеологическая компрессия. М., 2001).

Лишь в новейшее время начинают появляться работы, посвященные изучению пословиц определенной когнитивной направленности (Антонова И. В., 2010; Карамзина Н. С., 2010 и некоторые др.).

В заключении подчеркнем, что наиболее перспективными считаем исследования пословиц как коммуникативных фразеологических единиц в области окказионального их использования в различных типах дискурса, особенно в разговорном и газетном стилях.

© Воронин Р. А., 2011

С. И. Гнедаш

Ульяновск, Россия, sgnedash@yandex.ru

Современные тенденции в провербиальном фонде немецкого языка

В настоящее время некоторыми лингвистами отмечается определенное пристрастие современного человека к манипуляции пословицами. Если возникает необходимость точного выражения мысли, прибегают к использованию в речи пословицы. В случае же несовпадения плана содержания пословицы с обстоятельствами ситуации пословичная формула подвергается трансформации в соответствии с задачами момента.

Этот феномен лежит в основе вводимого нами понятия «провербиальная трансформация». Результатом осуществленного процесса провербиальной трансформации является возникновение «провербиального трансформанта» — видоизмененного структурно-семантического образования, сохраняющего связь со своим прототипом.

Трансформационный потенциал провербиальной единицы носит бинарный характер. Трансформация может охватывать план содержания (смысловая трансформация) при сохранении синтаксической конструкции провербиальной единицы, например: *Ein Preis kommt selten allein* (трансформант пословицы «*Ein Unglück kommt selten allein*»). Реже изменения затрагивают и план выражения (так называемая формально-смысловая трансформация), например: *Hier ist die Nuss ein Muss* (ср. *Muss ist eine harte Nuss*).

В отличие от пословиц, которые обладают нулевым временным показателем, их трансформанты, как правило, ограничены определенными темпоральными рамками и приобретают право на коммуникативно-полноправное существование только будучи включенными в некий лингвистический контекст. Так, интерпретация вышеприведенных модифицированных единиц, будучи исключенными из ближайшего смыслового окружения, представляет большие трудности.

Нередко человеческое сознание воспринимает и осмысливает структуру модифицированной единицы через ранее зафиксированный и запечатленный инвариант. Тогда новые элементы вступают в семантические отношения не только с контекстом, но и с непосредственно отсутствующим замещенным текстом. В сознании человека происходит взаимодействие замененного, но имплицитно присутствующего компонента с модифицированной единицей, что приводит к реализации прагматической установки.

Декодирование провербиальных трансформантов рассчитано на интеллектуальные усилия реципиента, что предполагает наличие общих у адресанта и адресата знаний. При несоблюдении данного условия провербиальный трансформант будет лишен ассоциативности, экспрессивности и коммуникативно-прагматической нагрузки.

© Гнедаш С. И., 2011

В. В. Гузикова

Екатеринбург, Россия, V.Guzikova@el.ru

Понимание односторонней идиоматичности в межкультурном аспекте

В любом языке имеются выражения, в которых отдельные слова, образующие это выражение, теряют свой первоначальный смысл. Общий смысл такого выражения не складывается из значений отдельных слов. Для носителей языка такие словосочетания являются привычными, а для изучающих этот язык как иностранный они являются

непонятными. На протяжении веков в нем накопилось большое количество идиоматических выражений, которые были когда-то однажды произнесены кем-то, понравились людям и закрепились в языке, будучи удачными, меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка — идиоматика, совокупность устойчивых выражений, имеющих пересмысленное значение.

В данной статье внимание обращено на явление, называемое «односторонняя идиоматичность» (ОИ): использование говорящими или пишущими идиоматического языка, который не понятен другим участникам процесса коммуникации. Seidlhofer (2001) устанавливает идиоматику как одну из областей, в которой английский в качестве «родного языка» и английский как иностранный частично отличается.

Самой распространенной проблемой, касающейся односторонних идиоматических выражений, представляют случаи, когда носители языка пытаются воспроизвести идиому на иностранном языке и совершают ошибку или, вероятно, «ошибку» согласно нормам ENL, но являющейся характерной формой в универсальном английском языке.

Таким образом, необходимо избегать употребления односторонней идиоматичности, приводящей к прагматической неудаче. Успешные пользователи английского языка должны учитывать границы своей собственной компетенции, а также нужды своих адресатов, для того, чтобы достигать коммуникации и понимания.

© Гузикова В. В., 2011

А. В. Дрожащих

Тюмень, Россия, ndro2004@rambler.ru

Лексикографическое описание специальной банковской лексики в полифункциональном переводном словаре

В последние годы в отечественной и зарубежной лексикографии широкое распространение получили переводные терминологические словари по банковскому делу, которые преимущественно являются словарями лингвоцентрического типа, нацеленными на фиксацию и описание терминов и терминологических сочетаний, используемых представителями профессионального банковского сообщества. При всей своей полезности указанные словари в полной мере не отвечают реальным запросам пользователей, так как они содержат мало развернутых толкований, пояснений и комментариев по специфике употребления

той или иной вокабулы и слабо отражают иерархические отношения между отдельными терминами, включенными в корпус словаря. Между тем, переводной словарь должен быть ориентирован на всю полноту семантизации термина, начиная с переводного эквивалента до максимально полного раскрытия объема и содержания специального понятия, сочетаемости, вариативности, омонимичности, многозначности, относительной функциональности и степени переводимости термина [Табанаква 2005].

В современных условиях наиболее эффективным словарем для специалистов по банковскому делу является полифункциональный переводной словарь, совмещающий параметры переводного словаря, толкового словаря и учебного словаря-справочника активного типа. Данный подход к описанию банковской лексики был частично реализован в новом англо-русском словаре-справочнике по банковскому делу (составители Е. И Аржиловская, А. В. Дрожащих). Отбор лексического материала для названного словаря производился в соответствии с методикой, разработанной А. С. Гердом [Герд 1996]. Отличительными особенностями словаря выступают семантизация ряда новых и узкоотраслевых терминов через определения и развернутые толкования, предельно полное описание сочетаемости базовых терминов, а также наличие текстовых иллюстраций употребления терминов. Справочный раздел словаря включает приложения, значительно увеличивающие его функциональный потенциал, в том числе список сокращений, список условных обозначений мировых валют, образцы англоязычных банковских документов и список готовых речевых формул для продуцирования англоязычных текстов банковской тематики различной коммуникативно-прагматической направленности, структурированных по 14 ситуативным доминантам. Разбивка языкового материала по ситуативным доминантам позволяет пользователю оперативно найти и использовать пример для поддержания коммуникации в конкретной профессиональной ситуации.

© Дрожащих А. В., 2011

Н. Г. Кантышева

Тюмень, Россия, nkantysheva@mail.ru

Актуальность лексикографического описания термина экологического аудита

Современный этап развития дисциплины «экологический аудит» в Российской Федерации характеризуется отсутствием устоявшейся

терминологии, которая имеет некоторые расхождения с зарубежной, и поэтому требует уточнения понятийно-терминологического аппарата, основных понятий, их смыслового значения, объема и содержания, в том числе и ключевого понятия данной области — *экологический аудит*. Дискуссионность его рассмотрения наглядно отражается в перечне родовых терминов, через которые оно определяется: *процесс проверки; оценка; контроль; предпринимательская деятельность; отрасль права; проверка; составная часть экологического менеджмента; ревизия; анализ; наблюдение; изучение; исследование; управление*. Особенную сложность составляет сопоставление дефиниций термина на материале смежных научных дисциплин и областей знания (право, экология, экономика, страхование, бизнес и др.), что и объясняет разноречивой при трактовке термина в различных научных сферах.

Дефиниционный анализ терминов в законодательных документах, указывая на многоуровневый и междисциплинарный характер терминологии, демонстрирует несколько типов определений терминов: родовидовые, описательные, тотативные/партитивные, дефиниции-примеры. Из общего числа родовидовых определений лишь у 45% терминов существует возможность выделить непосредственные (специальные) родовые понятия. Неточности логического характера в определениях отражают «лакунарную» сетку представления знаний экологического аудита. Словообразовательный анализ подтверждает неокончательную сформированность терминосистемы. Соотношение типов вербального оформления терминов типично для развивающихся терминологий: $\frac{3}{4}$ терминов — словосочетания, среди которых встречаются четырех- и пятикомпонентные.

Отсутствие системного описания терминологии обусловило необходимость ее моделирования, актуальность которого подтверждается, в том числе и междисциплинарным и интегративным характером исследования.

Результат лексикографического описания терминологии представляет собой модель данной области знания (терминосистему). Моделирование в данной работе выступает в функции упорядочения терминологии, понятийной систематизации в целях осмысления связи теории экологического аудита с ее терминологией. В процессе моделирования исследована системность термина экологического аудита на морфологическом, словообразовательном и категориальном уровнях.

© Кантышева Н. Г., 2011

Арготизмы немецкого языка с пейоративной стилистической окраской

В. Д. Девкин рассматривает пейорацию как качественно-ценностную сторону разговорной лексики. По его определению, под пейорацией условно понимается «снижение» в довольно широком смысле этого слова. К пейорации он относит семантическое и стилистическое снижение (Девкин В. Д. *Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика*. — М.: Международные отношения, 1979. — 256 с.: 179—184).

Суффикс женского рода **-erei** обозначает действие человека с оттенком неодобрения, презрения и привносит разговорный оттенок: **Kronerei** — Hochzeit свадьба; **Lederei** — Betrügerei обман; **Lezemerei** — Musik музыка; **Schoflerei** — Gericht суд; **Schwacherei** — Sauferei пьянство. Суффикс **-sche** имеет презрительно-иронический оттенок и выражает лишь неконкретизированную негативность. Например, **Gatsche** — Leute люди, **Kabrusche** — Diebesbande воровская шайка, **Latsche** — Kuss поцелуй, **Lotsche** — Geld деньги.

Пейоративную окраску придают арготизмам и некоторые суффиксоиды (или полусуффиксы — термин М. Д. Степановой):

-macher: Fallemacher — Schwindler, Betrüger обманщик; **Kittenmacher** — Dieb вор; **Scharfmacher** — Gewalttäter насильник; **-michel: Linkmichel** — schlechter Mensch, Kerl плохой человек; **Schmiermichel** — Polizeibeamter полицейский; **-peter: Miesepeter** — unzufriedener Mensch недовольный человек.

Суффиксоид **-knecht** означает лицо, безвольно подчиняющееся чьей-либо воле: **Folterknecht** — Beamter чиновник; **Schlüsselknecht** — Wärter, Gefängnisbeamter работник тюрьмы.

Суффиксоид **-bruder** образует пейоративы со значением лиц, склонных к алкоголю, дебошу, драке, лжи, прочим асоциальным действиям: **Kolbruder** — Aufschneider хвастун, враль; **Krampfbruder** — Betrüger обманщик; **Schwächbruder** — Saufbruder собутыльник; **Wichsbruder** — Onanist онанист; **Knastbruder** — Häftling заключённый.

Суффиксоиды, обозначающие части человеческого тела, предметы, усиливают пейоративность производных, придавая им фамильярную или грубо-просторечную окраску:

-arsch: Knackarsch — femininer Junge bei Schwulen женоподобный юноша, пассивный гомосексуалист; **Leckarsch** — unsolidarischer Mithäftling не идущий на контакт сокамерник; **-maul: Schwanzmaul** —

Strichjunge юноша, торгующий собственным телом; **-sack**: **Dudelsack** — männliche Geschlechtsorgane мужские половые органы; **-lappen**: **Schmierlappen** — einer, der schmiert тот, кто даёт взятку.

Мощным средством пейорации являются фаунонимы, например, **Affen-**: **Affenfett** — Margarine маргарин; **Affensusi** — Homosexueller гомосексуалист; **Bären-**: **Bäengang** — Rundgang der Häftlinge im Gefängnishof круг, по которому ходят во дворе заключённые, **Bärenkäfig** — Arrestzelle карцер.

«*Weiß noch nicht. Mein Affenfett ist alle, ich muß erst noch mal auf die Anschaffe*». [Fallada H. Wer einmal aus dem Blechnapf frisst. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1956. — 476 S. — S. 26]

Высокая степень экспрессивности с негативной оценочностью характерна для бранных слов и вульгаризмов. Префиксоид **Sau-** создаёт бранные пейоративы, обозначающие нечистоплотность, в том числе и моральную: **Sauschotte** — geiziger Häftling жадный заключённый. Бранная лексика служит для бурного выражения чувств в экспрессивных речевых действиях, они выражают обобщённое негативное отношение к обозначаемому объекту или ситуации.

Неоспоримым представляется тот факт, что для деклассированных элементов характерна тенденция к огрублению речи, тяга к использованию дерзких, жестоких высказываний и употреблению аффективных, грубых, вульгарных и бранных слов.

© Колесниченко И. И., 2011

С. В. Колтунова

Белгород, Россия, svkoltunova85@yandex.ru

Проблема аналитической морфологии в испанской грамматике Сезара Удэна

В современной историографии лингвистики постепенно начинают заполняться многочисленные лакуны, связанные с деятельностью отдельных языковедов и целых периодов в истории лингвистической мысли. К числу таких языковедов относится французский ученый Нового времени Сезар Удэн и его богатое лингвистическое наследие, в котором получил свое отражение испанский язык. Особое место среди разнообразных по жанру работ, направленных на описание испанского языка, занимает его "Grammaire espagnolle expliquée en françois" (1597). Она принадлежит к числу первых грамматик испанского языка. В свое время она пользовалась огромной популярностью, что подтверждают ее многочисленные переиздания, которых в общей сложности насчи-

тывается более двадцати за почти полувековой период. Кроме того, о ее популярности говорит и то, что вскоре после выхода в свет она была переведена на латинский язык, считавшийся тогда самым престижным языком в Западной Европе (1607). Наконец, о популярности грамматики Удэна говорит и ее перевод на английский язык (1622). Как известно, в эпоху Возрождения и в Новое время грамматики национальных языков создавались не только носителями языков, но и иностранными авторами. Грамматика Удэна как раз относится к работам, написанным иностранцами.

В своей работе Удэн ориентировался, с одной стороны, на греко-латинский канон, считавшийся в то время образцовым при создании грамматик живых языков, с другой стороны, он опирался на западно-европейскую грамматическую традицию, в том числе испанскую, восходящую к грамматике А. Небрихи, и французскую, в числе основоположников которой были Ж. Дюбуа, Л. Мегрэ, Р. Этьен и др. Именно поэтому ряд проблем, стоявших в то время в системе знания о языке, получил в его грамматике традиционное освещение. К числу таких проблем с полным основанием может быть отнесена и проблема поиска путей для отражения свойств языка аналитического, каким в то время уже был испанский язык, с помощью категорий, созданных для описания языков флективных, т. е. греческого и латыни. Особое место среди таких категорий занимает категория падежа, которую Удэн, подобно его предшественникам и современникам, сохранил для описания испанского языка. Как показывает анализ грамматики Удэна, эта категория получила подробное описание применительно ко всем именным классам слов (имени, артиклю, местоимению, причастию), однако в каждом из них это описание отличается своими характерными особенностями.

© Колтунова С. В., 2011

Е. А. Конопляник

Гродно, Беларусь, katerina.konopljanik@gmail.com

Проблема сущности и классификации модальных слов

Сложности определения статуса модальных слов обусловили наметившееся в языкознании 60—70-х гг. стремление к их пословному описанию и отсутствие системно-иерархического описания их общей семантики (Николаева Т. М. Частицы. М., 1990).

Модальные слова играют большую роль в квалификации информации по важности, они способны выделить коммуникативную значимость того или иного высказывания, уточнить, расшифровать, подчер-

кнуть, придать информативную весомость определенным частям текста. Модальные слова также могут обозначать мотивацию и отношение говорящего к высказыванию.

Модальные слова выражают субъективно-модальное отношение говорящего к содержанию своего высказывания, причем точка зрения говорящего может быть чисто модального или модально-эмоционального вида. Модальная оценка характеризует высказывание относительно степени его достоверности (*sicher, vielleicht, wohl, vermutlich, wahrscheinlich*). Эмоционально-модальная оценка выражает эмоциональную окрашенность высказывания (*lieber, unglücklicherweise*). Модальные слова обычно относятся не к отдельным словам или членам предложения, а ко всему высказыванию, поэтому по отношению к ним не может быть поставлен вопрос или употреблено отрицание. Они выполняются в предложении коммуникативно-грамматическую функцию. Однако модальное слово может быть употреблено и по отношению к отдельному члену предложения.

В настоящее время в лингвистике модальные слова часто разделяют на два подвида: модальные наречия и модальные частицы (Duden. Mannheim, Leipzig, 1998). Однако в определении различий между этими двумя классами нет единства: например, модальные частицы почти всегда имеют омонимы среди других частей речи, и их значение чаще всего раскрывается только в контексте. В рассмотрении модальных наречий также не существует единого мнения среди исследователей; так, авторы грамматики Duden определяют их как наречия комментария, обозначающие позицию и оценку говорящего (Duden. Mannheim, Leipzig, 1998). При анализе различных классификаций становится ясно, что разделение модальных слов на наречия и частицы не является однозначным, многие элементы классифицируются то как наречия, то как частицы, в зависимости от точки зрения автора. Поэтому мы предлагаем рассматривать их как единый класс модальных слов, элементы которого объединены общей функцией выражения субъективно-модального отношения говорящего к содержанию своего высказывания.

© Конопляник Е. А., 2011

О. В. Лукин

Ярославль, Россия, oloukine@mail.ru

О термине «части речи»

Терминология теории частей речи всегда была заложницей противоречивости терминологии языкознания. Изначальная идея частей

речи происходит из аристотелевской идеи частей словесного изложения наряду со звуком, слогом, предложением. Хотя и она — тоже лишь часть всего объема термина «части речи». Но поскольку унаследованные из античности термины продолжают повсеместно использоваться, задача состоит в их реальном, в том числе, и типологическом обосновании.

Термин «части речи» — это широкий и многогранный термин, отдельные стороны которого нередко абсолютизируются и догматизируются. В современном понимании этот термин имеет, по меньшей мере, следующие значения, многие из которых имеют точные соответствия в других языках:

1) конкретные **словоформы, вычлененные из текста** (*Redeteile, parts of speech, partes orationis*). Это понимание термина исконное — как в терминологическом плане (у Аристотеля и Платона), так и в плане самой исследовательской работы над «частями речи» (они выделяются из текста как предмета исследования лингвиста);

2) **группы, созданные из похожих друг на друга по определенным признакам (критериям классификации) слов** (*Wortarten, Wortklassen, classes of words, ordklasserne*). Их значимость состоит прежде всего в практическом утилитарном использовании, в том числе для лексикографических нужд, для обучения языкам и т. п., по принципу: «если это слово принадлежит к существительным, то его необходимо употреблять так: ...»;

3) **отдельные конститuenty**, входящие в группы слов (лексем);

4) **научное понятие**, обладающее большей абстрактностью по сравнению с конкретными предметами исследования. Так, Э. Косериу называет это понятие «*категории слова*» (нем. *Wortkategorien*), например, глагол вообще (т. е. не группа, куда входят глаголы; не сами глаголы в этой группе и не глаголы в тексте).

В современном языкознании такое противопоставление не всегда эксплицировано, что приводит к очевидным терминологическим смешениям, затрудняющим адекватное понимание всей многогранной частеречной проблематики.

В соответствии с трояким аспектом языковых явлений Л. В. Щербы части речи выделяются из *текстов* как продукта *речевой деятельности*. Результат их выделения и последующей классификации принадлежит *языковой системе*. Термин «части речи» отражает предмет исследования — части, из которых состоит речь (тексты), термин «классы слов» указывает на результат классификации.

© Лукин О. В., 2011

И. В. Матвеева

Нижний Новгород, Россия, matveeva_i@lunn.ru

Парадигматические характеристики компонентов поля персональности в современном немецком языке

При конкретном исследовании категории персональности важным представляется анализ разнообразных средств ее выражения по отношению к участникам коммуникации. Выбор указанных средств зависит от статуса субъекта референции, от отношения к нему субъекта и от других внешних, неязыковых факторов.

В общей сложности можно выделить три основных типа выражения персональности: эксплицитный тип, который однозначно ссылается на один из трех базовых функциональных компонентов, транспонированный, при котором вторичные функции наслаиваются на первичные и имплицитный тип, когда собственное значение маркировано также характеристикой лица.

Углубление представлений о категории персональности неизбежно затрагивает степень представления лица в предложениях различного типа: от конкретной единичной персоны (антропонима) через классы людей (имена лиц) и обобщенные названия участников и объектов речевого акта (местоимений) до лица, лексически не выраженного, но с различной мерой достоверности вычисляемого из глагольных форм, структуры предложения, контекста, ситуации, пресуппозиции.

Морфологические, лексические, синтаксические и фонетические средства, объединенные общим значением «лицо», образуют определенную систему языковых средств — поле персональности.

Понимание лица в рамках поля персональности позволяет группировать различные языковые средства, выражающие категорию лица отдельно или в комбинации с другими языковыми уровнями, поэтому структура поля представляет собой сочетание разных содержательных и формальных перспектив, но при этом всегда выделяется центр и периферия.

© Матвеева И. В., 2011

И. Э. Меликова

Астрахань, Россия, loveirada26@rambler.ru

История развития наречий в русском языке (XVIII — XIX вв.)

XVIII и XIX века стали ключевыми в вопросе образования новых и развитии имевшихся моделей образования качественных наречий.

С начала 18 века широко употребляются бесприставочные и приставочные способы образования наречий. Продуктивный способ образования наречий на -и *по-русски* от прилагательных с суффиксом -ск. Основные наречия на -и имели в основе названия городов, языков, национальностей (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959).

В 30-х годах 19 века появляется новая модель образования наречий пришедшая из просторечия. Эти наречия образованы от качественных прилагательных на -ский, *по-русскому, по французскому*. Данный тип наречий встречался у многих писателей того времени и имел стилистическую окраску для придания сельского колорита говорящему (В. Ю. Франчук. Наречия образованные от имен прилагательных в русском литер. языке XVIII века. Киев, 1961). К концу 19 века модель на -и оказалась преобладающей.

В 18 веке получило развитие образование наречий с суффиксом -о. В основном они образовывались от прилагательных формы, цвета, размера и других внешних характеристик, например *кругло, желто, тонко, голубо*. В 19 веке данная модель получила развитие и стали образовываться наречия с префиксом без-, например *безначально, бесповоротно, безотсрочно* (А. Х. Востоков. Русская грамматика. М., 1958).

В связи с развитием образования прилагательных с суффиксом -тельный стали образовываться наречия с суффиксом -тельно, например *относительно, почтительно, несомнительно*. Имели значение «выражая что-то». К середине 19 века данный тип наречий приобретает активное глагольное значение (*соблазнительно, укорительно, успокоительно*).

С середины 19 века вырастает продуктивность наречий на -енно, -нно образованных от прилагательных и по образованию соотносимых с причастиями, например *униженно, уединенно, отдаленно*. Данные наречия обозначают душевное состояние, качественные значения, редко внешние признаки (О. К. Кочинева. Продуктивные типы словообразования качественных наречий в современном русском языке. М., 1953).

Новый тип образования наречий от адъективированных действительных причастий настоящего времени, например, *вопрошающе, торжествующе, вызывающе*.

Таким образом, 18 и 19 века становятся важными в развитии и появлении новых моделей образования наречий, которые являются продуктивными и в современном русском языке.

© Меликова И. Э., 2011

Н. В. Плетнева

Екатеринбург, Россия, pletnevalex@mail.ru

Функциональные особенности усечений в современном английском языке

Специфика современного мира — свобода от ограничений разного рода, разрушение старых стереотипов мышления, — не могла не отразиться в языке. В настоящее время сокращения вообще и усечения в частности являются продуктивным способом образования новых слов.

Многие усечения функционируют в разговорной речи. В официальном языке используются полные формы указанных наименований, в разговорном — редуцированные. Многие лингвисты отмечают, что усечения характерны для различных типов сленга (школьного, спортивного, газетного).

В настоящее время динамично развивается компьютерный сленг. В компьютерном сленге часто используются такие усечения, как: *gig* < *gigabytes*, *bot* < *robot*, *Inet* < *Internet/Intranet*.

Другая сфера распространения усечений — публицистические тексты, страницы газет и журналов.

Усечения могут употребляться в рекламных текстах.

Е. А. Дюжикова приводит классификацию усечений с точки зрения их сферы употребления.

1. Общераспространенные, нейтральные слова.
2. Усечения с выраженной стилистической характеристикой, иногда фамильярного характера, с отношением говорящего к определённому социуму.
3. Усечения, у которых «сдвиг»/перенос значения обнаруживается в самом значении аббревиатур.

Таким образом, некоторые усечения проходят такой путь: сленг — разговорный язык — нейтральные слова. Некоторые усечения, несмотря на то, что они появились достаточно давно, продолжают функционировать как разговорные или даже сленговые слова.

© Плетнева Н. В., 2011

Л. В. Попова

Омск, Россия, la-09@mail.ru

Особенности трактовки терминографии и лексикографии в работах отечественных и зарубежных исследователей

Одним из наиболее востребованных направлений теории и практики лексикографии на современном этапе, по мнению С. А. Крестовой,

является терминологическая лексикография (специализированная (LSP) лексикография — терминография) (Крестова, С. А. Лексикографическое описание терминологической системы «лексикография»: дис... канд. филол. наук. — Иваново, 2003).

Понятия *терминографии* и *лексикографии* выделены в работе Х. Бергенхольц (Bergenholtz, H. Nielsen, S. Subject-field components as integrated parts of LSP dictionaries. John Benjamin Publishing Company, 2006). Автор отмечает с одной стороны, сходство понятий, а с другой, характеризуя каждое понятие с точки зрения целей, задач и способа описания, формулирует пять отличительных свойств, присущих указанным явлениям и неоднократно подчеркивает, что четкой границы между данными понятиями все же не существует.

В отечественном терминоведении имеется прикладное терминоведение (Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006). По мнению В. М. Лейчика, классификации терминологических словарей могут базироваться на определенных принципах. Интересно, что набор признаков терминологического словаря имеется и в работе Х. Бергенхольц, а именно: целевая аудитория, т. е. адресат, лексикографические функции, цель словаря и данные для включения в словарь. Такое положение дел свидетельствует, на наш взгляд, о движении антропологического подхода на центральное место.

Таким образом, создание специализированных словарей является объектом терминографии в отечественном терминоведении, а также и терминографии, и лексикографии в зарубежной лингвистике.

© Попова Л. В., 2011

Е. Г. Скребова

Воронеж, Россия, dolgorukaja1@rambler.ru

Особенности функционирования немецких сложноподчиненных предложений локализации в тексте

В предлагаемой работе текст понимается как речевое произведение, порожденное языковой личностью и адресованное языковой личности. Введение в онтологическую область текста коммуникантов, как новых для этой области физических тел, предполагает структурирование их взаимодействия. Таким образом, порождение и функционирование текста представляет собой сферу межличностных отношений адресанта и адресата.

Структура текста в рамках описанного выше подхода предстает в виде конечной последовательности переходящих друг в друга синтак-

сических конструкций в заданном пространстве-времени. Эта последовательность неоднородна по ряду параметров: по типу предложений, моделирующих пространство текста; по их закреплённости за тем или иным коммуникативным регистром речи; по потенциальной реализации в системе текста. С учетом сказанного предложение представляет собой базовый элемент процесса текстообразования.

Сложноподчиненные предложения локализации характеризуют соотносимые ситуации с точки зрения их пространственных отношений. При этом необходимо иметь в виду, что пространство в описываемых построениях представляется как горизонтальная, расположенная примерно на одном уровне с адресантом область, окружающая его в момент, о котором идет речь. Кроме того, соотносимые в сложном предложении пространства могут входить друг в друга полностью или частично.

В тексте сложноподчиненные предложения локализации реализуются, как правило, в «гармоническом» центре — наиболее защищенной от лексических и грамматических потерь зоне, обеспечивающей структурно-информационную устойчивость всего текста.

Проведенный нами анализ немецких сложноподчиненных предложений локализации показывает, что описываемый тип синтаксических конструкций принадлежит к базовым структурам процесса текстообразования, посредством которых создается симметрия текста. Являясь аргументированными коннекторами основных направлений развития сюжетной линии, предложения данного типа обслуживают коммуникативное действие, и их появление в тексте оказывается эвристическим сигналом для адресата, который через характеристики рассмотренных построений то возвращается к ожидаемому, то погружается в «новое».

© Скребова Е. Г., 2011

А. И. Томилова

Екатеринбург, Россия, alexara@list.ru

К вопросу о переводческой эквивалентности

Понятие эквивалентности рассматривается во многих работах по переводоведению, что доказывает его фундаментальность для теории перевода. Некоторые авторы для определения эквивалентности отталкиваются от определения эквивалентов. Основные расхождения в этих определениях связаны, на наш взгляд, с пониманием эквивалентности как мелкомасштабной (эквивалентность существует на уровне

слова, словосочетания, предложения и сверхфразового единства) и крупномасштабной (на уровне всего текста, и, если идти еще дальше, на уровне сверхтекста).

Мы провели систематизацию различий в понимании эквивалентности, обусловленных критерием разделения эквивалентности на мелкомасштабную и крупномасштабную.

К мелкомасштабной эквивалентности мы отнесли следующие определения эквивалентности:

- *Эквивалент* — единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что другая единица речи (Ахманова, 1966).

- *Эквивалентность* — это функциональная равноценность элементов оригинала и перевода (Попович, 1980)

- *Эквиваленты* — это элементы двух языков, функционально соответствующие друг другу в пределах данного контекста (Гак, 1969)

- *Эквивалентность* на синтаксическом уровне: наблюдается замена единиц одного языка единицами другого языка с сохранением синтаксического инварианта. *Эквивалентность* на семантическом уровне включает в себя описанные выше смысловые и ситуационные эквиваленты. Прагматический уровень *эквивалентности* занимает высшее место в иерархии этих уровней и является неотъемлемой частью эквивалентности вообще (Швейцер, 1988).

- *Семантическая эквивалентность* — относительная, частичная эквивалентность между сходными словами, которая сводится, прежде всего, к наличию общности понятий, выражаемых этими словами. Она зависит также от наличия идентичной окраски у обоих слов. Необходимым условием полной семантической эквивалентности двух разноречных слов следует признать наличие одинаковых употреблений данных слов в двух языках (Муравьев, 1970)

- *Эквивалентность* — сентенциональная (пропозициональная) связка, служащая для соединения высказываний и представляющая собой логико-семантический фундамент отношений между ними (Погосян, 1993).

К крупномасштабной эквивалентности мы отнесли следующие определения эквивалентности:

- *Эквивалентность перевода* — общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода (Комиссаров, 1990)

- *Эквивалентность* в теории перевода — сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содер-

жащейся в оригинале и переводе. Следует особо подчеркнуть, что *эквивалентность* оригинала и перевода — это, прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту (Виноградов, 2001)

- *Эквивалентность* перевода — это совпадение реакции получателя исходного текста и носителя одного языка с реакцией получателя текста перевода, носителя другого языка (Швейцер, 1988).

Таким образом, мы можем отметить, что определения эквивалентности, многочисленны и многообразны, что объясняется разнонаправленностью исследований, проводимых переводчиками, а также выделением различных уровней установления эквивалентности (уровень слова, словосочетания, предложения, сверхфразового единства, текста, сверткста). Во многих работах наблюдается стремление выйти на уровень исследования коммуникативной деятельности, что позволяет вводить в переводоведение такие коммуникативные категории как адресат и адресант, а также добиваться больших успехов при переводе.

© Томилова А. И., 2011

Т. Н. Федуленкова

Северодвинск, Россия, taniafed@atnet.ru

Differentiation of Phraseological Units and their Biblical Prototypes

Many phraseological units (PUs) have an absolute prototype in the Bible, i. e. their componential organization, lexical meaning and grammatical structure are identical to those of the biblical expression, e. g.: *daily bread*, *before smb's face*. Such PUs form the two following subgroups: a) the PUs the biblical prototypes of which are used in the Bible in figurative sense (as in e. g. 1); b) the PUs which appear as the result of transformation of the biblical prototype which is considered to be a variable group of words or a sentence and is used in the Bible in literal meaning (as in e. g. 2).

The first group includes the biblical PUs the genetic prototype of which is semantically transformed. The most widespread form of semantic transformation is formation of the PUs by means of full or partial semantic transformation of variable word groups or sentences when the meaning of a unit is transferred from one thing or situation onto the other, e. g.: *Sodom and Gomorrah* — this phrase is used in the Bible denoting the ancient cit-

ies which were wallowed in the sins and that is why they were destroyed > developed to 'a vicious, sinful place'; *balm in Gilead* — this phrase dates back to the biblical text and is of literal meaning > developed to 'comfort, consolation, recovery'.

The second group includes those phraseological units which are used in the very biblical text as the units consisting of the components with a figurative meaning. The pragmatic aim might have induced the authors to include the PUs into the Bible, e. g.: *the salt of the earth, the beam (mote) in smb's (one's own) eyes, walk in darkness, cast pearls before swine, dead dog*, etc.

Besides there is a set of PUs that have a relative prototype in the biblical text. They usually appear by means of some change of the form of the biblical expression: *corn in Egypt* < the Bible: *grain in Egypt, a tinkling cymbal* < the Bible: *a clanging cymbal, the enemy at the gate* < The Bible: *enemies in the gate*.

Some phraseological units date back to the biblical plot but have no identical prototype in the Bible with which it would completely coincide. In this case we deal with a situational, or event prototype: *forbidden fruit* (Genesis, III: 6) — smth that is desired because it is forbidden or disapproved of; *worship the golden calf* (Exodus, XXXII: 4) — to worship money, to subordinate everything else to mercenary considerations; *give up the ghost* (Genesis, XXV: 8) — to cease to live; *a Job's comforter* (Job, XVI: 2) — someone who calls to offer sympathy but makes matters worse by blaming the bereaved person for what has happened; *a dead letter* (Romans, VII: 6) — a law which is no longer enforced; *a doubting Thomas* (John, X: 24—25) — a sceptic, someone who will believe only the evidence of his own eyes; etc.

The analysis reveals the three groups of biblical PU prototype: an absolute prototype, a relative prototype, a situational (event) prototype in the biblical text.

© Федуленкова Т. Н., 2011

Ю. А. Филиппи

Екатеринбург, Россия, juliaflip@gmail.com

К вопросу о происхождении формы глагола *xe* в венецианском диалекте: синтагматический аспект

Особая форма 3-го л. ед. числа глагола *esser* 'быть' — *xe*, характерная для венецианского диалекта Италии, пока не нашла удовлетворительного объяснения. Она уникальна тем, что единственная из

всех романских языков приобрела структуру прикрытого слога CV (в отличие от *e'*, *est* и др.), а также тем, что первый согласный формы — звонкий *x* [з].

Чтобы найти адекватное объяснение этому феномену, следует совместить диахронный принцип рассмотрения с синхронным и обратиться к системе венецианского диалекта в целом, ведь именно здесь возник запрос на особую форму *xe*. Следует также принять во внимание особые фонотактические условия раннего функционирования формы *xe*, а именно ее поствокальное положение, и учесть тот факт, что параллельный процесс развития консонантного начала у глагольных форм произошел в парадигме глагола *aver* 'иметь'.

По нашему предположению, закреплению консонантных форм глаголов предшествовал этап позиционного чередования, аналогичный тосканскому (*ched e'*, но *che vuoi*). Суть позиционного чередования состояла в необходимости разделить при помощи добавочного согласного первого слова зияние, возникающее на стыке слов. Различные тенденции, действующие в диалектных системах, привели к разным результатам в синхронии: в тосканском диалекте чередование сохранило свою природу, но ослабело (зияние допустимо); в венецианском диалекте чередование утратилось, так как наличие согласного перед глагольной формой стало обязательным в силу развившегося в этом диалекте целого комплекса черт агглютинативного строя. Для венецианского диалекта и подобных ему языковых систем важна высокая членораздельность речевой цепи за счет включения в каждый слог согласного и гласного. Только в таком свете может быть объяснена замена формы V (*e'*) на форму CV (*xe*) как более функциональную для репрезентации глагольной словоформы.

Что касается качества согласного *x* [з], его звонкость не позволяет объединить его с начальным глухим *s* других форм парадигмы, напротив, здесь усматривается связь с имевшим место в диахронии процессом перехода интервокального *-d-* в *-ś-* (*decidere* → *deciso*), который в нашем случае не был отражен на письме, так как локализовался на стыке слов. Развитие же формы *ga* из *ha* [a] могло идти путем развития призвука *-g-* (*elg ha* → *el ga* или *nong ha* → *no ga*) перед велярным гласным, тем более что такое чередование имеется и в итальянском языке (*vengo, vengā: vieni, viene*). В позиционной дистрибуции начальных согласных глаголов *esser* и *aver* просматривается четкая логика: переднеязычный *ś* перед гласным переднего ряда *e*, заднеязычный *g* перед гласными заднего ряда *a, o*.

О. А. Хрущева

Оренбург, Россия, hrox@mail.ru

Типология имен собственных, образованных на базе блендинга

Блендинг представляет собой способ словопроизводства, порождающий лексические единицы особого рода, при образовании которых задействуются два или более коррелятов, последовательно проходящих процесс усечения и объединения либо объединяющихся путем наложения идентичных элементов структуры.

Единицы, образованные по типу блендинга, получают распространение во многих языках мира и служат для обозначения разнообразных объектов и явлений действительности.

Бленды, выступающие в качестве имен собственных, являются достаточно популярными средствами номинации в английском и русском языках. Разнообразие типов указанных единиц может быть продемонстрировано на примере следующей типологии:

1) бленды-топонимы: *Westralia* < *Western* + *Australia* — *Западная Австралия*, *Eurasia* < *Europe* + *Asia* — *Евразия*; *Tanzania* < *Tanganyika* + *Zanzibar* — *Танзания*;

2) бленды-имена для новорожденных: *Lunette* < *Luna* + *Nettie*, *Charline* < *Charles* + *Caroline*, *Leilabeth* < *Leila* + *Elizabeth*, *Olabelle* < *Ola* + *Isabel*;

3) бленды-фамилии супругов после заключения брака: *Villaraigosa* < *Villar* (фамилия мужа) + *Raigosa* (фамилия жены);

4) бленды-прозвища: *Mao* + *Обама* > *Маобама*; *Путлер* < *Путин* + *Гитлер*;

5) бленды-онимы для обозначения союзов (в сфере политики, кино и прочих): *Brangelina* < *Bred Pitt* + *Angelina Jolie*; *Billary* < *Bill* + *Hillary Clinton*; *Mr Butskell* < *Rab Butler* + *Hugh Gaitskell*;

6) шуточные бленды-онимы: *Оренбургская область* < *Оренбургская область* + *Ю. Берг* (губернатор области); *Летербург* < *Ленинград* + *Петербург*.

Приведенные бленды в большинстве своем являются окказиональными образованиями, использование которых ограничивается разговорной речью, однако, некоторые из примеров вошли в кодифицированный состав соответствующего языка. В частности, отмеченная тенденция актуальна для блендов-топонимов английского языка.

© Хрущева О. А., 2011

Е. А. Хузина

Набережные Челны, Россия, eka5551@ Rambler.ru

К вопросу о выражении модальности долженствования инфинитивных конструкций в языке русских пословиц и поговорок

Категория модальности является одной из самых сложных и противоречиво толкуемых в грамматической теории.

Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В. В. Виноградова.

Значение долженствования в пословицах и поговорках может выражаться лексически — при помощи специальной лексики, морфологически — особыми модальными словами, синтаксически — особыми конструкциями.

Материалом исследования являются 100 устойчивых единиц (пословиц и поговорок).

Под инфинитивными конструкциями в нашей работе понимаются односоставные безличные и инфинитивные предложения с инфинитивом в роли сказуемого.

Модальные значения долженствования, обнаруживаемые в семантике пословиц и поговорок, могут быть эксплицитными, то есть имеющими лексическое, формальное или графическое выражение, или имплицитными — скрытыми. Одним из средств выражения скрытой модальности является инфинитив.

Семантика модальности долженствования инфинитивных конструкций в пословицах и поговорках включает в себя многочисленные оттенки значений: волюнтаристности, побудительной желательности, необходимости совершить или не совершить действие и т. д.

© Хузина Е. А., 2011

Е. И. Чукурева

Екатеринбург, Россия, silver-23@yandex.ru

Гносеологические аспекты технических артефактов

Понятие «артефакта» является общеупотребительным термином и применяется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Однако в философской литературе проблема технического артефакта исследована недостаточно. Как технический артефакт способствует отражению действительности в сознании человека? Как способствует познанию окружающего мира?

Технические артефакты — материальные элементы техники, выступающие средствами преобразовательной деятельности и несущие информацию, необходимую для создания других артефактов, а именно предприятия, приборы, инструменты, машины, аппараты, автоматические устройства и агрегаты.

С позиций гносеологии материальные технические (орудийные) артефакты, безусловно, являются средством познания мира и играют значительную роль в процессе репрезентации человеку окружающей действительности: во-первых, технические артефакты позволяют человеку артифицировать объекты естественной природы, во-вторых, выполняют функцию сохранения и трансляции социально значимого опыта.

Технические артефакты предназначены для трансляции предметно-манипуляционных способностей (способностей, направленных на овладение материальной природой, в том числе и человеческим телом), на более высоких этапах технические артефакты используются и для трансляции способностей по овладению информацией (средства массовой информации, компьютеры и т. д.).

Все орудия труда, используемые человеком в практике, так или иначе, связаны с языком, а язык, в свою очередь, является основой социальной памяти. И язык, и орудие являются инструментами: язык — инструмент для общения, а орудие — «язык» для производственной деятельности. Именно посредством инструментальности орудийного артефакта и репрезентируется определённая форма практики.

Таким образом, все технические артефакты несут в себе некие репрезентации, первоначально в форме орудийных, а затем более сложных проявлений, несут в себе физическую запись и, следовательно, являются важнейшими составляющими социальной памяти.

© Чукреева Е. И., 2011

А. А. Шагеева

Екатеринбург, Россия, shageyeva@rambler.ru

Индекс цитирования: лингвистический ракурс

Традиция систематических ссылок на работы предшественников сформировалась в европейской науке в середине XIX в. как показатель структурной интеграции научного знания и профессионализации научной деятельности. В 2005 году Федеральное агентство по науке и инновациям начало проект по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), который осуществляется сегодня Научной электронной библиотекой.

Горячие споры ведутся в настоящее время по поводу адекватности выполнения индексом цитирования функции оценки качества публикаций и их авторов научным сообществом. Специалисты по социологии науки, наукометрии и науковедению, а также сами ученые — представители различных областей знания, говорят о необъективности индекса цитирования (см., например, статью О. В. Михайлова «Блеск и нищета индекса цитирования»). Даже создатели проекта индекса цитируемости российских ученых предупреждают, что на индекс цитирования, кроме научного уровня работ, влияет множество посторонних факторов. Основным выводом, сделанным специалистами, выявляющими недостатки индекса цитирования, выступает тезис о том, что для точного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок на них, но и качество этих ссылок.

Содержание индекса цитирования является объектом интенсивных исследований специалистов по социологии науки, наукометрии и науковедению, но не изучается с позиций лингвистики. Вместе с тем, языковедение с его накопленным богатым знанием в области лингвистики научного текста, стилистики, когнитивной лингвистики, терминоведения могло бы оказать большую помощь информационным наукам в корректировке и усовершенствовании работы индекса цитирования научных публикаций.

При цитировании автор не просто излагает те или иные факты прежнего знания, но и приводит суждения оценочного характера.

Наибольший интерес с позиции индекса цитирования представляет негативная оценка работы предшественника. В таком случае ссылка не является показателем положительной оценки качества публикаций и их авторов научным сообществом. Можно ли считать работу значимой для науки, если у нее высокий индекс цитируемости, но преобладающая часть ссылок сопровождается негативной оценкой?

Анализ языковых и речевых средств, сопровождающих ссылку, поможет более полно и точно оценить значимость научной работы при создании индекса цитирования.

© Шагеева А. А., 2011

С. И. Шумарин

Балашов, Россия, sshumarin@yandex.ru

Аббревиатуры-прилагательные в современном русском языке

Традиционно аббревиация рассматривается как способ образования сложносокращенных слов, ограниченный лишь сферой имени

существительного, однако речевой материал свидетельствует о распространении этого способа и на сферу имени прилагательного. Одним из первых внимание на это обратил Д. И. Алексеев (Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979). Некоторые из подобных сокращений были зафиксированы в «Словаре сокращений русского языка» под ред. Д. И. Алексеева (1-е изд. — М., 1963) и в «Словаре сокращений современного русского языка» Г. Н. Скляревской (М., 2004). Все они образованы на базе сложных имен прилагательных и имеют, как правило, терминологический характер. Среди них различаются аббревиатуры, функционирующие и как существительные, и как прилагательные (*ВЧ* — *высокая частота* и *высокочастотный*; *ПП* — *полупроводник* и *полупроводниковый*; *СВ* — *северо-восток* и *северо-восточный*; *СВ* — *средние волны* и *средневолновый* и др.), и аббревиатуры, функционирующие только как прилагательные (*ВЧ* — *высокочувствительный*, *ЖК* — *жидкокристаллический*, *ПЖ* — *паровично-жирный* (в маркировке каменного угля), *ПП* — *противопехотный* и др.). С определяемыми словами такие аббревиатуры пишутся через дефис или раздельно: *ЖК-монитор* и *ЖК монитор*, *УВЧ-терапия* и *УВЧ терапия* и т. п. В функции прилагательных могут выступать и аббревиатуры, созданные на базе субстантивных словосочетаний: *СПИД-центр*, *ВИЧ-инфекция*. Такие сокращения можно квалифицировать вслед за М. В. Пановым как аналитические прилагательные. Наиболее активными в этом отношении являются заимствованные аббревиатуры: *HD-плеер*, *каналы HD качества*, *IPS матрица*, *LCD панель*, *PR-технологии* (*пиар-технологии*), *SWOT-анализ* и т. п. Как правило, аббревиатуры-прилагательные занимают препозицию по отношению к определяемому существительному, хотя встречаются отдельные случаи их постпозитивного употребления: *матрица IPS*, *язык WML*. В последнее время активизируется использование аббревиатур в качестве структурного элемента сложных прилагательных: *ВИЧ-инфицированный*, *ВИЧ-положительный*, *WAP-совместимый* и др.

Таким образом, в современном русском языке аббревиация не ограничивается только сферой имени существительного, достаточно активным является образование аббревиатур на базе сложных имен прилагательных, а также употребление в адъективной функции аббревиатур субстантивного типа. Эта тенденция распространяется как на исконно русские аббревиатуры, так и на аббревиатуры иноязычного происхождения.

© Шумарин С. И., 2011

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области когнитивной лингвистики, дискурса и стилистики

Т. Ю. Быкова

Челябинск, Россия, bykova74@mail.ru

Милитарная метафорика в советской прессе 1930—1935 гг.

Метафорический образ современной России уже неоднократно рассматривался как отечественными, так и зарубежными специалистами, в то время как советские метафоры исследованы в значительно меньшей степени (Р. Д. Андерсон, Д. Вайс, А. А. Пшенкин), а метафоры предвоенного десятилетия по существу еще не были предметом специального изучения.

Мы проанализировали 1370 концептуальных метафор.

Следует отметить, что в анализируемом периоде милитарная метафора является наиболее частотной и развернутой. Отсюда вытекает метафорическая модель **Советский Союз — поле боя**.

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

К данному фрейму мы относим такие метафоры как *блицкриг, война на плакатах, дуэль, борьба*.

2. Фрейм «Организация военной службы»

2.1. Слот «Иерархические отношения военнослужащих»

Солдаты, новобранцы, полководец, флагман

2.2. Слот «Воинские подразделения»

Рать, дивизия, полк, батальон, рота

3. Фрейм «Воинские действия и вооружения»

3.1. Слот «Военные действия»

3.2. Слот «Виды вооружения и военных сооружений»

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

4.1. Слот «Начало войны»

Подготовка, рекрутировать, мобилизация

4.2. Слот «Конец войны»

Советский Союз рассматривается как поле боя, и становится ясно, кто является главным противником в борьбе за политическое пространство.

Можно привести много других примеров, чтобы проиллюстрировать советскую действительность того периода, но мы не должны забывать, что картина мира, которую рисуют газеты, не беспристрастна.

© Быкова Т. Ю., 2011

Т. П. Ваганова

Екатеринбург, Россия, vaganova.85@mail.ru

Концепт СМЕРТЬ/DEATH (на материале английского и русского языков)

Использование термина концепт в русских текстах начинается в 80-х годах XX столетия, и главным образом это было связано с расширением предметного поля лингвистики за счет ее взаимодействия с философией. В научной литературе выделяют несколько подходов к пониманию концепта: лингвокультурологический, лингвокогнитивный подход и философский.

Мысль о переплетенности жизни и смерти очень стара. Всему на свете приходит конец — это одна из жизненных истин, так же как и то, что мы боимся этого конца и должны жить с сознанием его неизбежности. Нам достаточно и минуты размышлений, чтобы понять, что, уже рождаясь, мы находимся в процессе умирания и в начале заложен конец.

Практически каждый большой мыслитель думал и писал о смерти; многие приходили к заключению, что смерть является неотъемлемой частью жизни и, постоянно принимая ее в расчет, мы обогащаем жизнь.

В результате анализа словарных дефиниций концепта СМЕРТЬ/DEATH было выделено одинаковое количество пунктов при характеристике смерти. Понимание смерти как прекращения существования живого организма является общим для двух языков. Конец жизни и обстоятельства смерти: — *умереть своей смертью, закрыть (свои) глаза, испустить последний вздох, die, stop, dead-end.*

В обоих языках самоубийство не относится ни к естественной смерти, ни к насильственной, и выделяется в отдельную категорию: — *наложить на себя руки, покончить с собой, решиться жизни, suicide, commit suicide.*

Таким образом, можно отметить практически полное совпадение значения концепта СМЕРТЬ / DEATH в словарных дефинициях в сравниваемых языках.

© Ваганова Т. П., 2011

А. М. Гайворонская

Тюмень, Россия, mamutina_alyna@mail.ru

Инверсии концептов «доверие» и «обман» в русской и английских эпистемах XIX века

Тема данной статьи «Инверсии концептов «доверие» и «обман» в русской и английских эпистемах XIX века».

Целью данной статьи явилось отражение лингвистических, особенностей выражения концептов «доверие/trust», «обман/deceit» в русской и английских эпистемах XIX века, а также выявление концептуальных инверсий применительно к изучаемым концептам.

В нашей статье мы описали лексико-семантические поля изучаемых концептов в русском и английском языках. Мы пришли к выводу, что данные понятия практически одинаково структурируются в обеих национальных культурах. Доверие понимается как *уверенность в чьей-н. искренности*. Специфичными для английской лексемы «trust» являются семы «*a group of companies that work together*», «*a financial arrangement by which someone has legal control of your money or property*», которые не отражены в русском языке. Обман в русском и в английском языке понимается как *намеренное искажение истины, неправда*. Специфичной для русской лексемы «обман» являются семы «*заблуждение, иллюзия*», «*измена*»; «*обольщение, соблазнение*».

На материале произведений авторов художественной литературы XIX в. мы выяснили, что понятие доверие и обман одинаково концептуализируются в обеих национальных культурах, при этом, в русском языке концепт «обман» отражен в большей степени, чем в английском языке. Также мы узнали, что реализуются не все компоненты понятийного значения концептов. Доминантным компонентом концепта «доверии/trust» является значение *поверить, поручить, отдать на веру, не сомневаться в честности кого-л. (a strong belief in the honesty, goodness etc. of someone or something)*, доминантным компонентом концепта «доверие/deceit» — *намеренное искажение истины, неправда, ложь (behaviour that is intended to make someone believe something that is not true in order to get what you want)*.

Основные направления концептуальных инверсий концептов «доверие» и «обман» реализуются на вербальном уровне. Так, лексемы «доверие/trust», «обман/deceit» приобретают в художественной литературе значения, которые не зафиксированы в словарях, а именно «*hope, naivety*» для лексемы trust; «*заям, наивность, легковерие*» для

лексемы *доверие*; «*a misleading falsehood*» для лексемы *deceit* и «*xun-rost*» для лексемы *обман*.

© Гайворонская А. М., 2011

С. Н. Денисова

Армавир, Россия, svetlankajan@mail.ru

Лингвокультурная идея

В словарях русского языка идея имеет такие семантические характеристики, как аксиологичность: «понятие, ... выражающее отношение к действительности» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. — 236 с.); мировоззренческая направленность: «основной, существенный принцип мировоззрения» (Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 2003. — 1134 с.), «определяющее положение в системе взглядов, воззрений» (Большой толковый словарь русского языка. СПб, 1998. — 207 с.), «понятие..., воплощающее ту или иную сторону мировоззрения» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953. — 207 с.); семантическая сложность: «сложное понятие» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. — 236 с.); теоретичность: «принцип устройства» (Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 2003. — 1134 с.), «замысел, определяющий содержание чего-нибудь» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953. — 207 с.); семиотическая универсальность, синтетичность идеи: «понятие, представление» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. — 236 с.), «постигаемый разумом образ» (Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 2003. — 1134 с.); в речевом употреблении идеи отражаются ее этически-оценочный характер, теоретичность, концептуальность (Пименов Е. А., Пименова М. В. Сравнительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы «мир» и «человек». Кемерово, 2005. — С. 143—177). Идея — диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник ее развития заключается в присутствии отрицающих ее категориальных противоречий (Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград, 2008. — 200 с.). Идея включает в себя сознание цели и отражение своего предмета в форме идеала: какой он есть, и каким он должен быть. Лингвокультурная идея отличается от идеи культурной присутствием в семантическом составе указаний на связь со «знаковым телом» языковых единиц, закрепленных за ее

выражением. Лингвокультурная идея образуется лингвокультурными концептами, находящимися в отношениях семантического подобия и контраста: счастье-блаженство, счастье-удача, несчастье и т. д. Поскольку в состав лингвокультурной идеи входят как концепты, так и антиконцепты, собственного неописательского имени в языке не имеет и обозначается именем наиболее значимого положительного концепта, входящего в ее состав, например, идея счастья, свободы, а ее значимостная составляющая, определяемая местом средств для ее выражения в лексической системе языка, совпадает со значимостной составляющей ведущего лингвоконцепта.

© Денисова С. Н., 2011

А. Н. Евдак

Челябинск, Россия, sasha_juin@mail.ru

Роль метафоры в языке с точки зрения социолингвистики (на примере концепта кризис)

Социолингвистика — научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

Кризис значительно повлиял на концептосферу носителей различных культур, что не могло не отразиться на языке и представляет собой достаточно интересную сферу лингвистических исследований.

Метафора в современной когнитивистике определяется как основная ментальная операция, как способ познания, концептуализации, оценки и объяснения мира.

В метафорах наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, что обуславливает важность исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей и необходимость описания возможных моделей её метафорического осмысления.

Реальная действительность представлена в сознании индивида в виде системы концептов, т. е. определенным образом структурированных знаний о той или иной реалии действительности.

Группы, представляющие «КРИЗИС» как: нейтральное понятие, механизм, природное явление, болезнь, живое существо, явление театра.

Метафора служит не только украшению речи и более точной передаче мысли, но и участвует в создании единиц формирования и хранения информации о мире, т. е. когнитивных концептов.

© Евдак А. Н., 2011

Н. А. Завьялова

Екатеринбург, Россия, st.conference@rambler.ru

Дискурс повседневности в китайских и японских фразеологических единицах

Дискурс повседневности — понятие, широко известное в рамках культурологии, социологии и философии. В рамках лингвистики дискурс повседневности зачастую анализируется на уровне быта. Однако данный подход, на наш взгляд, привносит в анализ повседневности утилитарность, существенно обедняя ее. По мнению известного петербургского культуролога В. Д. Лелеко, в анализе повседневности следует выделять следующие направления: «публичная повседневность», «персонально-культурная повседневность», «социальная повседневность», «производственная повседневность». При этом исследователь называет существенную характеристику повседневности — ретроспективность. «Для повседневности характерна как экспансия в направлении ближайшего будущего и прошлого, так и необходимость иметь значительно удаленные от современности хронологические ориентиры, наличие временной глубины (или дали), по отношению к которой повседневное осознает свою принадлежность к настоящему... Связь с прошлым более важна, чем связь с будущим» [Лелеко 2002: 106].

В рамках нашего исследования мы анализируем дискурс повседневности на материале ФЕ японского и китайского языков. ФЕ данных языков обнаруживают ряд общих черт: общность происхождения ряда ФЕ (источник — китайский язык), активное использование в составе ФЕ количественных числительных, обращение к единым мифологическим сюжетам.

Специфической чертой китайских ФЕ является то, что они приравниваются к догмам, которые предназначены для заучивания наизусть вместе с сопровождающей их фоновой информацией. При этом китайские ФЕ нередко используются в качестве императива, руководства к действию даже современными китайцами, которые не утрачивают прочной связи с опытом предыдущих поколений.

Среди выявленных нами специфических черт японских ФЕ отметим следующие. Значительную долю японских ФЕ (около 5%) из

проанализированной 1000 ФЕ составляют выражения, содержащие оноματοпею. *Varibari kamu* — грызть с хрустом. *Varibari saku* — разодрать. *Varibari yaru* — работать во всю. *Battarikonakunari* — прекратить посещения. В ряде ФЕ, не содержащих оноματοпеи, также использован прием рифмы. *Aokitoiki* — «голубое/зеленое дыхание» — тяжелое дыхание, при последнем издыхании.

ФЕ китайского и японского языков представляют собой важный источник информации о повседневности китайцев и японцев в диалогическом плане.

© Завьялова Н. А., 2011

Н. Н. Кошкарова

Челябинск, Россия, nkoshka@rambler.ru

«Борис, ты не прав!», или о пользе одной реплики

Современные политические деятели входят в историю благодаря не только грандиозным реформам, которые они проводят как на территории своей страны, но и за ее пределами, но также (а в некоторых случаях, прежде всего) своим высказываниям, которые очень часто несут в себе агрессивный потенциал. Руководители государства общаются со своими подчиненными, со своими оппонентами, с целой страной в разном формате — на пресс-конференциях, во время интервью с журналистами, на различных заседаниях, в прямом эфире телеканалов и радиостанций, в форме обращений и посланий Федеральному Собранию РФ. В ходе такого общения возможно проследить специфику диалогических отношений власти с народом. Не следует отрицать тот факт, что не все из перечисленных форм взаимодействия руководителей государства с подчиненными и народом являются информационным диалогом в прямом смысле этого слова, так как в некоторых случаях мы не наблюдаем обмена репликами между коммуникантами, однако, все указанные виды текста преследуют вполне конкретную и реализуемую с разной степени успешности цель — трансформация информационного и эмоционального состояния адресата. Подобная цель достигается при помощи большого арсенала высказываний, некоторые из которых, как уже было отмечено выше, несут в себе агрессивный потенциал. Вспомним лишь некоторые из высказываний В. В. Путина в его бытность Президентом РФ. На заседании Госсовета российский лидер так обратился к своим подчиненным: *«Сюда смотреть, слушать, что я говорю»*. Во время пресс-конференции 14 февраля 2008 г. на вопрос журналиста об итогах второго президентского срока В. В. Путина так

охарактеризовал свою работу: «*Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах*». На вопрос польской журналистки о том, стоит ли Польше опасаться угрозы со стороны, России Президент России так описал положение дел в отношениях двух стран: «*Я не считаю, что мы должны посылать голову пеплом, бить себя веригами и доказывать всем, что мы хорошие*». Подобные высказывания со стороны лидера государства заставляют лингвистов задуматься над некоторыми вопросами, часть которых была затронута во время проведения Интернет-конференции по юрислингвистике «Право как дискурс, текст и слово» (<http://konference.siberia-expert.com>). Среди обсуждаемых вопросов были и такие: отношение к агрессии в публичных выступлениях государственных деятелей; правомерность речевой агрессии в подобных текстах; кто является объектом агрессии в выступлениях первых лиц государства. Представляется, что обсуждение данных вопросов в формате различных научных форумов является средством изучения и элиминации подобного деструктивного явления.

© Кошкарова Н. Н., 2011

Г. М. Мандрикова

Новосибирск, Россия, mandricova@mail.ru

Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков)

Как известно, существуют две принципиальные трактовки термина «инвектива»: в широком смысле инвектива — любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту; в узком — а именно такое понимание термина принято нами для данной статьи — это вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами. Инвектива несет в себе признаки национальной специфичности, понятно, что сравнение этнических групп, далеко отстоящих друг от друга в культурном и географическом плане, является наиболее контрастным, но интересным представляется и рассмотрение проблемы инвективного словоупотребления в достаточно близких языках (и шире — лингвокультурах), каковыми являются русский и польский.

С позиции социолингвистики инвективные единицы выступают как определенные социальные маркеры. Существенным фактором, способным влиять на инвективное словоупотребление, помимо прочих, является возраст: ученые отмечают большую частотность употребления инвектив молодежью. Даже простое наблюдение над речью современ-

ных студентов свидетельствует о том, что инвектива является одним из собственных средств общения, одним из базовых элементов, характеризующих молодежный сленг. Сравнение инвективных стратегий и формул в русском и польском языках позволяет выявить различия, несовпадения или же, наоборот, общие черты.

Польские лингвисты для обозначения пласта лексики, который мы рассматриваем в нашей работе, пользуются термином **wulgaryzmy** (вульгаризмы), у польских лингвистов за этим термином закреплены языковые средства, известные под названием «нецензурная лексика / инвектива». Взяв за основу исследование И. Бернацкой-Лигенза «Вульгаризмы в польском молодежном сленге», мы провели аналогичную работу и сравнили полученные результаты.

Исходя из анализа ответов на вопросы анкеты и сопоставления полученных результатов с аналогичными польскими, мы можем сделать вывод о том, что мнения носителей польского языка во многом совпадает с мнением представителей русской учащейся молодежи относительно функционирования инвективы в их речи, влияния некоторых факторов на предрасположенность человека к употреблению нецензурной лексики. В ходе анализа выявились существенные различия в степени табуированности группы слов, закрепленных в русском и польском языках как наиболее грубых, однако употребляющихся с разной степенью этического табу, существующих в данных лингвокультурах.

© Мандрикова Г. М., 2011

Е. Б. Матыгина

Челябинск, Россия, katerinamatygina@mail.ru

Метафорическая модель «Сказка о справедливой войне» в официальных заявлениях Мадлен Олбрайт

«В когнитивной лингвистике метафорическая модель рассматривается как устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языке и культурной традиции данного общества». Метафорической модели присущ эмотивный потенциал, «создающий широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата». Посредством метафорических моделей «лучше воспринимаются абстрактные понятия и чрезвычайно сложные ситуации», например такие, как военные вторжения и конфликты.

«Сказка о справедливой войне» была выделена как метафорическая модель и ее сценарии были описаны видным американским когнитологом Джорджем Лакоффом. Основные персонажи «сказки» — Жер-

тва, Злодей и его преступление, Герой. Два основных варианта «сказки» — сказка о спасении и сказка о самозащите.

Данная метафорическая модель оказалась весьма продуктивной, поскольку была выделена разными исследователями при изучении различных политических дискурсов. (Будаев Э. В., Чудинов А. П., Лакофф Дж., Куусисто Р., Хиберт Р. Э., Вархавиг П.).

Данная модель была выделена и описана нами при исследовании официальных речей Кондолизы Райс в ходе войны США в Ираке. На данном этапе нашего исследования представляется интересным выявление и описание данной метафорической модели в дискурсе Мадлен Олбрайт во время военной операции НАТО «Союзная сила» в Косово.

Итак, мы совершили путешествие по 20 выступлениям госпожи Олбрайт в период с января 1999 года по июнь 2000 года и получили следующие результаты: в официальных выступлениях Мадлен Олбрайт доминирует один из сценариев сказки — это **сценарий спасения**; характеристика главных действующих лиц «сказки о справедливой войне» на территории Югославии в речах госсекретаря такова:

1. Косовские албанцы — жертвы;

(images of families uprooted and put on trains, refugees recounting how loved ones were separated and led away, robbed of their dreams, the widespread and systematic destruction of entire settlements, the burning of homes, the seizure of civilians for use as human blood banks, systematic separation and execution of military-aged men, villages being torched, humanitarian crisis, a human catastrophe)

2. Слободан Милошевич — злодей (метафора «Милошевич — варвар»);

(a stubborn man, only interested in maintaining himself in power, doesn't care about the Serbian people, initiated a more expensive and violent campaign of repression against ethnic Albanians in Kosovo, has based his power on jingoistic nationalist statements, exploiting the fears of ethnic Serbs, catered to those fears by robbing Kosovo Albanians of their cherished autonomy, preparing a plan of barbarism, a new rampage of terror, a cruel dictator)

3. Истребление и притеснение косовских албанцев, их принудительная высылка с территории Косово, убийства, этнические чистки, террор, нестабильность в Европе — преступления Милошевича и его сторонников.

(to end the rights of the Kosovar people, he has moved this ethnic cleansing, an overly large number of massacred people with split throats, a systematic expansion of this whole atrocity, the violence and repression in Kosovo, barbaric killing, vicious intolerance, tyranny, the continued brutality)

4. НАТО под предводительством США — герои (метафора «Война — азартная игра»)

(a moral obligation to stop the genocide and ethnic cleansing, the new Yugoslavia be a country that follows the rule of law... is well integrated into democratic structure of Europe... help it be a normal country, to stop the suffering of innocent civilians, we are the only nation which can provide leadership to promote order amidst chaos, we must take steps in order to stop this humanitarian catastrophe, fighting for justice matters tremendously)

Таким образом, мы можем говорить о том, что метафорическая модель «Сказка о справедливой войне» является одной из центральных моделей для описания и оправдания военных действий в Косово в официальных речах Мадлен Олбрайт. «Сказка» находит свою реализацию в сценарии спасения и включает все компоненты «хорошей истории» для обоснования военных действий в глазах как американской общественности, так и международного сообщества с точки зрения морали.

© Матыгина Е. Б., 2011

М. Ю. Олешков

Нижний Тагил, Россия, oleshkov@rambler.ru

Концептуальная интеграция в дискурсе

Одной из существенных особенностей любого дискурса является так называемая «концептуальная интеграция». Под этим термином следует понимать взаимодействие аспектов (персонажей, предметов, явлений, событий и т. д.) в процессе линейного (череда описываемых в тексте событий) или разветвленного (временные сдвиги, воспоминания о прошедших событиях, смена взглядов и т. д.) развертывания дискурса/текста во времени и пространстве. Концептуальная интеграция позволяет выделить для любого дискурса присутствующее ему интегрированное ситуативно-речевое пространство.

Принцип интегративности может считаться универсальным, основополагающим, на котором базируется процесс формирования смысла, передаваемого любой языковой единицей в высказывании, что происходит под влиянием семантического, синтаксического и контекстуального факторов, дополняющих друг друга в той или иной степени. Когнитивным основанием формирования смысла при этом выступает концепт, который, являясь единицей нового знания «вообще», репрезентируется и как единица языкового знания (совокупность морфо-

логических категорий) в виде конкретных грамматических смыслов (времени, число, наклонение и др.).

Дискурсивная интеграция смыслов в конкретной речевой ситуации может рассматриваться как интеграция следующих векторов речевоздействующих сил: *аргументирующей* (семантика), *аккумулирующей* (синтактика), *прагматической* (прагматика) и *мотивирующей* (сигматика). В четырехмерном пространстве речи, как правило, используются все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие с разной степенью значимости в зависимости от структуры дискурса и макроинтенций участников дискурсивного процесса. В итоге, речевая активность продуцента речи обусловлена следующими соотношениями: семантическими (знак-действительность), синтаксическими (знак-знак), прагматическими (знак-человек) и сигматическими (знак-ситуация).

Таким образом, в «текстовом» аспекте дискурс может быть дефинирован как динамическое вербальное интертекстуальное пространство, в котором спонтанно (с учетом макроинтенций коммуникантов) интегрируется множество текстов. Основанием для объединения таких «рассеянных» в социуме текстов в подобные множества служит не простая тематическая общность, но общность смыслов, выражаемых в них. С этой точки зрения к «дискурсивному» тексту применимо понятие «*интердискурс*», с помощью которого обозначаются сложные конфигурации взаимодействующих дискурсов.

© Олешков М. Ю., 2011

Н. Б. Подвигина

Воронеж, Россия, ya_witch@mail.ru

Из истории возникновения когнитивной лингвистики

Весной 1989 года в Дуйсбурге на симпозиуме, организованном Рене Дирвеном и другими европейскими учеными, было объявлено о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики, подготовке издания журнала «Когнитивная лингвистика» и серии монографий «Исследования по когнитивной лингвистике». В первом номере журнала «Когнитивная лингвистика» были так определены задачи нового лингвистического направления: исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. Языковые формы изучаются не сами по себе, а с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и

механизмы обработки информации с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды.

Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских лингвистов Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа, в трудах которых мы находим высказывания по поводу того, как в человеческий мозг поступает информация и как происходит ее переработка, кодирование и вербализация.

В отечественном языкознании, несмотря на то, что когнитивная лингвистика складывается в последние десятилетия XX века, язык уже в первых теоретических трудах по языкознанию рассматривался с точки зрения его связи с мышлением.

Задачей когнитивной лингвистики является описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего/слушающего. Говорящий/слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов ... и соотносящая языковую информацию на различных уровнях.

Цель когнитивной лингвистики — исследование системы и установление важнейших ее принципов, а не только систематическое отражение явлений языка. Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т. е. какова «когнитивная действительность».

Итак, когнитивная лингвистика на современном этапе — это направление языкознания, которое изучает когнитивные структуры средствами языка. Лингвистический анализ выступает как средство, метод доступа к когнитивным структурам в сознании человека. Основные категории когнитивной лингвистики — концепт, категоризация, концептуализация, концептосфера.

© Подвигина Н. Б., 2011

Н. В. Попова

Мичуринск, Россия, natpopova25@mail.ru

Бинаризм понятий красоты и безобразия в немецких и русских идиомах (на примере медиатекстов)

Данное исследование проводится в новом для современной сопоставительной лингвистики направлении — философии языка, тем самым обуславливая его актуальность в изучении и описании диалектической

взаимообусловленности понятий красоты и безобразия во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков.

Благодаря родственным этимологическим отношениям и общему лексическому значению ключевых лексем в идиомах «*Etwas durch die rosarote Brille sehen*» и «Смотреть сквозь розовые очки» диалектика взаимовлияния понятий красоты и безобразия выражается одинаково: внутреннее безобразие — имплицитно в виде игнорирования недостатков и отрицательных сторон проявления человеческой личности и внешняя красота — эксплицитно за счет лексем «*rosarot*» и «розовый» как оптимистическое восприятие внешней стороны предмета.

Немецкие и русские идиомы при их функционировании в публицистических медиатекстах показывают сходство в обозначении состояния человека, в котором он не замечает негативного, а окружающая действительность воспринимается легче, т. е. с положительным оттенком значения. В немецких публицистических текстах могут встречаться примеры с данной идиомой, которая отличается негативным контекстным значением: игнорирование окружающей действительности может лишить наслаждения от восприятия прекрасных сторон жизни. В русских художественных текстах встречаются примеры с данной идиомой со значением заблуждения по отношению к самому себе.

Общим в идиомах «фальшивые люди», «*eine falsche Katze*» и «*ein falscher Hund*» в имплицитном выражении внутреннего безобразия является семантика 'игнорирование отрицательных сторон личности человека и лицемерные действия' («*falsch*» и «фальшивый»). Специфичными признаками в имплицитном выражении понятия внешней красоты за счет привлекательного вида является употребление слов «*der Fuffziger*», «*die Katze*», «*der Hund*» в немецком языке и слова «человек» в русском языке.

Идиома «*ein falscher Fuffziger*» может употребляться в немецких художественных медиатекстах для отображения подлости человеческой натуры. В русских современных медиатекстах в идиоме «двуличный человек» выделяется значение наличия постоянства двуличности в человеке.

В обоих сопоставляемых языках при функционировании идиом «фальшивые люди», «*eine falsche Katze*» и «*ein falscher Hund*» в современных медиатекстах наблюдается сходство в значении притворной добродетели, прикрывающей неискренность и злонамеренность действий человека.

© Попова Н. В., 2011

Экономический кризис сквозь призму метафорических моделей

Восприятие кризиса носителями языка представляется актуальной проблемой, так как занимает огромную долю коммуникативного пространства и предоставляет возможность наблюдать за тем, как современное общество осваивает происходящие в мире события. Тема кризиса затрагивает огромное число людей и поэтому существует множество вариантов его восприятия. Для конкретного человека кризис предстает в индивидуальном облике и видится через особую призму. Наиболее актуальными на этапе современного периода оказались следующие модели метафор, зафиксированные в словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова:

1. Модель «**Дорога**» и следующие метафоры этой когнитивной сферы: «*распутье*», «*тупик*», «*ухабы*», «*пробуксовывание*», «*глухой угол*», «*пропасть*».

2. Модель «**Болезнь и смерть**». Эти модели очень близки по лезащему в их основе концептуальному сближению. Словарь содержит такие метафоры: «*паралич*», «*дистрофия*», «*столбняк*», «*дряхление*», «*смерть*», «*разложение*», «*гниение*».

3. Модель «**Плохая погода, природные катаклизмы**» (метафоры «*ветренная политическая погода*», «*буря*», «*гроза*», «*заморозок*», «*туман*», «*штормит*», «*пасмурно*»). Представленные примеры неоднородны, однако имеют общий семантический компонент, позволяющий им метафорически репрезентировать понятие «экономический кризис».

Обращаясь к образу современного экономического кризиса, создаваемого российскими СМИ, мы видим, что, антропоморфная метафора представляет экономический кризис в виде человеческого организма. Рассматриваемая метафорическая модель «Кризис — это человеческий организм» является доминантной, актуализированной в данном дискурсе. Для исследования были выбраны 100 МЕ (метафорические единицы) (1,1% в российском медиа-дискурсе). Детальный фреймслотовый анализ метафорической модели показал, что антропоморфная метафора, представляющая экономический кризис, начавшийся с осени 2008 г., имеет негативную коннотацию с векторами агрессивности, жестокости, подавляющей силы, направленной против внешнего мира. Экономический кризис сравнивается с неким живым существом, или объектом, имеющим свой жизненный цикл, способным совершать не-

гативные действия, поступки. Обозначенные модели, зафиксированные в словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, и рассмотренная в данной статье метафорическая модель «Кризис — это человеческий организм», объединяются тем, что лежащие в их основе семантические признаки являются помехой человеческой деятельности, а иногда и самой жизни.

© Салатова Л. М., 2011

Е. Д. Степанова

Волгоград, Россия, sstepanov61@mail.ru

Характеристика субъекта-собственника в русской, английской и немецкой лингвокультурах

Собственность является одним из важнейших объективных способов и источников существования человека, во взаимодействии с ней протекает вся жизнь человека. Собственность относится к основным устоям общества, причем решающую роль во всех общественных процессах играет человек (субъект).

Характеристика субъекта, который стремится увеличить размер собственности, встречается, чаще всего, в разговорной речи, основными чертами которой являются непринуждённый и даже иногда фамильярный характер речи; прерывистость и непоследовательность её с логической точки зрения; эмоциональность и оценочность речи.

Для характеристики субъекта, хранящего какой-либо объект и, стремящегося к его увеличению, мы выделили несколько групп. В первой группе представлен тип субъекта, который относится к вещам чрезмерно бережливо, он не любит тратить, имеет издержки, расходовать свое имущество, достояние. Русские люди, англичане и немцы называют его скупцом — *miser, skinflint* — *Geizhals, Geizkragen*. Во вторую группу мы включили языковые средства, называющие субъекта очень скупого, вызывающего неодобрение и осуждение людей своими поступками. Носители русского языка называют его скрягой. В английской лингвокультуре не наблюдается данной квалификации субъекта, он имеет характеристику скупого субъекта: *miser, skinflint*. В немецком языке значение очень скупого субъекта также выражено существительными *Geizhals, Geizkragen*. Очень скупого человека носители русского языка обозначают также просторечно фамильярным словом скупердяй, в английском и немецком характеристика остается такой же, как и выше: *miser, skinflint* — *Geizhals* соответственно. Характеристика субъекта, который увеличивает объект собственности,

проявляя чрезмерную скупость, алчность и т. д., показала, что данный тип субъекта не имеет одобрения в обществе, эксплицитно осуждается. Носители русского, английского и немецкого языков употребляют, в основном, лексику, имеющую сниженную стилистическую окраску. Анализ фактического материала выявил следующее: в русском языке представлена более детальная квалификация субъекта, который стремится увеличить размер собственности, чем в английском и немецком, возможно потому что русские люди издавна известны широтой и щедростью души, следовательно, и люди, у которых отсутствует данное качество, получали такую отрицательную характеристику в языке; что нельзя сказать о носителях английского и немецкого языков, которые отличаются такими качествами, как сдержанность, осторожность, экономия.

© Степанова Е. Д., 2011

Ю. М. Шемчук

Москва, Россия, shemchuk@rambler.ru

Эстетическая функция обновленных номинаций

Как известно, язык, наряду с основной функцией — коммуникативной, выполняет также и ряд других. В данной работе раскрывается его эстетическая функция, применительно к лексическим обновлениям.

Обычно новые номинации связаны с новыми явлениями жизни. Однако очень существенный процесс обновления языка сводится также к тому, что уже существующая номинация референтов заменяется новой лексикой. Процесс замены имеющейся номинации новой касается лишь части словаря, при этом обновленные лексемы могут обладать как негативной, так и позитивной коннотацией.

В языке все чаще открыто встречаются непристойности. Возможно, употребление в речи грубых лексем помогает человеку разрядиться, эффективно снимает напряженность и стрессовое состояние, которые также стали приметой настоящего времени. Разнообразие и обновление лексикона с помощью вулгаризмов характеризуют современный язык. Такие обновленные номинации почти не шокируют окружающих. Оскорбление, вызванное обновленной лексемой с негативной коннотацией, приводит, как правило, к использованию в ответной реплике аналогично окрашенных лексем. Функционально необоснованное расширение «сферы влияния» подобных языковых единиц ведет к дезинтеллектуализации общения и обеднению духовной жизни языкового коллектива.

Употребление эстетически облагороженных лексем, напротив, служит своеобразным протестом против использования сниженного словарного состава. Эстетически обновленные номинации появляются, следуя критериям социального запрета, как замена неприличного приличным, руководствуясь моралью. Их экстралингвистический характер объясняется избирательностью переименования предметов и явлений, заменой номинации на смягченную форму. Стыд, скромность, религиозность, такое сильное чувство, как страх, а также политическая корректность служат достаточным основанием для появления эстетически обновленных лексических замен.

Современный словарь эстетически облагороженных номинаций складывается в конкурентной борьбе с прежними именами, различие между которыми оценивается хронологически как младшая и старшая формы. При этом конкретные лексемы обладают разной степенью стабильности и жизнеспособности. Таким образом, до окончательного узувального закрепления эстетически облагороженные лексемы проходят своеобразную проверку временем.

© Шемчук Ю. М., 2011

Е. А. Шимко

Мичуринск, Россия, Shimko_maksim@mail.ru

Роль ментальных и вербальных структур национального культурного пространства в рамках этнолингвистического перевода

Человеческое сознание в определенной степени детерминировано границами этнического языка как базового семиотического кода. Вербальные единицы, на наш взгляд, являются продуктом сложного процесса «осознания» реального мира, реального культурного пространства, посредством которых индивид интегрирует фрагмент действительности в свою ментальную реальность. При использовании вербальных единиц человек подчиняется тем их значениям, которые они имеют в рамках определенного лингвокультурного сообщества.

Ментальное культурное пространство включает в себя представления и образы самого тела национальной культуры с их дифференциальными признаками и атрибутами. Ментальное культурное пространство инкорпорирует как существующую сферу культурного пространства, так и потенциальную, порождающую новые смыслы по существующим инвариантным смыслообразующим культурным моделям. Потенциальная сфера представляет собой устойчиво воспроизводимые ментальные

основания данной культуры, принципы, механизмы и доминирующие способы и направления культурной активности. Образно говоря, ментальная база является обязательным минимумом знаний и совокупностью национально-детерминированных представлений и образует ядро, которое инкорпорирует также коллективные и индивидуальные знания и представления. В ментальное культурное пространство входят все структурные элементы. Таким образом, каждый человек обладает своим индивидуальным пространством, ментальным культурным пространством и определенной базой того лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Формой кодирования и хранения информации в ментальных пространствах индивида являются языковые структуры, которые как базисные формируют его компетенцию. Эти особым образом структурированные участки ментальных пространств включают не только информацию о реальном мире (в том числе о реальном культурном пространстве), но также языковые знания.

В контексте наших исследовательских интересов необходимо подчеркнуть, что при переводе художественных текстов следует учитывать способы и схемы взаимодействия и организации всех типов знаний индивида, которые определены культурой того языкового сообщества, к которому он принадлежит. Векторы валентности, направленные от одной единицы к другой, ассоциативные связи между ними, клише и штампы сознания — все это оказывается не столько индивидуальным, сколько общенациональным.

© Шимко Е. А., 2011

Т. С. Шишкина

Россия, Южный федеральный университет, rostov-28Tancha@yandex.ru

Речевые средства эмоциональной экспрессии в репликах участников неформального интервью: когниции, прагматика, модус

Проведенный анализ жанра неформального интервью выявил тот факт, что реплика-стимул со структурой констативного речевого акта содержит как диктумный, так и модусный компонент, в котором и концентрируется эмоционально-экспрессивный компонент. Диктум — это сам факт сообщения, модус — реакция интервьюируемого на диктумную составляющую. Факты реальной действительности отражаются в реплике в виде аксиологического и ментального потенциала. Диктум — факты бытийного пространства, модус — факты аксиологического пространства диалогического общения.

Формируя ответную реплику, интервьюируемый реагирует как на содержание сообщения иницирующей реплики, так и на отношение автора интервью к содержанию, проявляющееся в данной реплике, т. е. на ее модусную составляющую. В жанре неформального интервью мы выделяем следующие разновидности модусно-диктумного согласования реплик участников интервью:

1. Модусная реакция на модусную составляющую реплики-стимула: интервьюируемый поддерживает точку зрения инициатора интервью, которая составляет модусную пропозицию исходной реплики.

2. Модусная реакция на диктумную составляющую реплики-стимула: интервьюируемый выдвигает собственную точку зрения на событие, составляющее диктальную пропозицию исходной реплики.

3. Диктумная реакция на диктумную составляющую реплики-стимула: интервьюируемый выражает согласие с сообщением, составляющим диктальную пропозицию реплики-стимула, предоставляет дополнительную информацию в качестве подтверждения согласия.

4. Диктумная реакция на модусную составляющую реплики-стимула: инициатор интервью выражает определенную модусную оценку некоторого события из частной жизни интервьюируемого, последний же подкрепляет данную оценку информацией, неизвестной первому.

Модусная составляющая иницирующей реплики со структурой констативного речевого акта неизбежно влечет за собой эффект вторжения в границы внутреннего «я» интервьюируемого, а следовательно, и эффект воздействия на его эмоции с целью получения новой информации из частной жизни последнего. Параллельно с диктальным значением модусная составляющая реплики-стимула предоставляет инициатору интервью возможность подчеркнуть силу убеждения оказываемого воздействия, апеллировать к вниманию собеседника, расположить его к себе. Именно эмоции, сконцентрированные в модусном компоненте исходной реплики со структурой констативного речевого акта, оказывают решающее влияние на естественно-логическое заключение интервьюируемого относительно своей последующей реакции.

Неформальное интервью, таким образом, как коммуникационный процесс предстает процессом трансформации коммуникативного пространства в коммуникативную среду, то есть производство коммуникативного действия и условий этого действия.

© Шишкина Т. С., 2011

Т. А. Аликова

Екатеринбург, Россия, tet-27@yandex.ru

Каламбур как форма реализации языковой игры и приемы его создания в романе Дж. Барнса «История мира в 10½ главах»

Языковая игра представляет собой неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних. Опираясь на норму, языковая игра стремится к нарушению системных отношений между знаками, позволяет реализовать нестандартные, контекстуально обусловленные связи языковых единиц.

Роман Дж. Барнса пронизан языковой игрой. Это одновременно отражает авторский приоритет, стиль литературного направления постмодернизма и общее эмоциональное состояние культуры и общества конца 20 века, которому были присущи чувство беспорядка в жизни человека и в истории.

Одной из форм реализации языковой игры у Дж. Барнса становится каламбур. Игровой потенциал отражается в механизме создания каламбура, который строится на несоответствии ожидаемого действительности, нормам, принятым в языке и культуре, что порождает комический эффект. В связи с этим важным элементом для создания и понимания каламбура становится контекст.

В романе Дж. Барнса можно выделить несколько видов контекстов, на которых строятся каламбуры:

— общетекстовый: каламбур отражает идейное содержание произведения в целом, что помогает оказать должное воздействие на читателя.

— конкретных предложений: в рамках этого контекста существует несколько приемов создания каламбуров:

- каламбуры, основанные на игре с цитатами. Понимание заложенной в каламбур игры здесь зависит от культурной компетенции читателя;
- каламбуры, основанные на обыгрывании фразеологизмов и устойчивых сочетаний.

В данных случаях способом игры становятся структурные и семантические отступления от традиционных норм употребления цитат (например, замена привычного элемента знакомой цитаты неожиданным вари-

антом, придающим новый смысл всему выражению) и фразеологических оборотов (например, прием распространения фразеологизма — введения в его структуру дополнительного компонента, конкретизирующего весь фразеологический оборот в целом или его отдельные компоненты).

— конкретного выражения: одновременная актуализация двух значений многозначного слова, например, прямого и переносного.

Таким образом, каламбур, как форма реализации языковой игры, находит свое воплощение в актуализации разных контекстов, позволяющих разнообразить приемы создания каламбура.

© Аликова Т. А., 2011

В. Б. Атултанова

Москва, Россия, atultanoff@mail.ru

Смысловая структура текста и некоторые аспекты ее отражения в переводе

Современные исследователи описывают текст на уровне его поверхностных и глубинных структур. Поверхностная структура текста создается поверхностными связями между элементами текста, глубинная структура образуется смысловыми структурами текста. При этом в поверхностной структуре текста лингвистически выражены как связи внутри самой поверхностной структуры, так и связи между глубинными структурами текста. Лингвистические средства реализации связности в поверхностной и глубинной структурах текста при переводе могут меняться, что затрудняет воспроизведение поверхностных связей текста оригинала (ТО) и, очевидно, может привести к нарушению передачи его смысловой структуры.

В рамках структурной модели связности нами было введено представление о поверхностных коррелятах смысловой структуры, т. е. способах и средствах обеспечения когезии, отражающих в поверхностной структуре текста существование глубинных смысловых структур, суперструктуры, единства мотивов, событийного и референциального единств (Атултанова В. Б. Связность текста как переводческая проблема / Автореф. дисс... канд. фил. н. — М., 2006). К поверхностным коррелятам смысловой структуры были отнесены мотивные предложения (предложения, в которых явно выражены мотивы), микромотивы (пропозиции, выраженные словом или словосочетанием, которые повторяются, по крайней мере, два раза и позволяют подчеркнуть ту или иную мотивную линию), референциальные цепочки, тема-рематическая структура, образная когезия, макроконнекторы, обеспечиваю-

шие связь между структурами текста, а также морфо-фонологические и графические индикаторы структурной организации текста.

Проведенное нами исследование показало, что выбор средств когезии имеет большое значение для адекватной передачи смысловой структуры ТО при переводе. Было показано, что поверхностные корреляты смысловой структуры сохраняются, а лингвистические средства их выражения сохраняются или меняются с тем, чтобы более обеспечить более четкую передачу смысловой структурой ТО. Основанный на представлениях о поверхностных коррелятах сопоставительно-критический анализ связности оригинальных текстов и их переводов позволяет выявлять случаи неудачного выбора средств связности в поверхностной структуре ТП, нарушающего адекватность передачи смысловой структуры ТО и, таким образом, может использоваться для оценки качества перевода.

© Атултанова В. Б., 2011

Н. А. Богачева

Москва, Россия, Natell23@yandex.ru

Лексические особенности перевода юридической документации

1. Для современного специалиста, работающего в области права, необходимо знать все тонкости перевода юридической документации.
2. При переводе юридической документации необходимы знания в области правовых систем, также как и знания особенностей юридического перевода.
3. Одной из таковых особенностей является наличие специализированных терминов, присущих только сфере права.
4. В тексте юридической документации нередки случаи использования слов, которые в юридическом документе не используются в своем «повседневном» значении, а приобретают новое значение «юридического» характера.
5. Использование архаизмов — еще одна характерная особенность юридического английского языка.
6. В тексте юридического характера, также как и в любом другом тексте встречаются заимствованные из других языков слова.
7. Частое употребление модальных глаголов, таких как *shall*, *may* — особенность юридических документов.
8. Существование ложных друзей переводчика — это особенность, существующая как в английском языке в целом, так и в юридическом английском в частности.

9. Особую сложность при переводе юридического документа представляют собой юридические штампы и устойчивые группы.

10. Знания особенностей юридического перевода обеспечивают адекватный перевод юридических текстов и способствуют тем самым гармонизации правовых смыслов различных политико-правовых систем мира.

© *Богачева Н. А.*, 2011

Е. М. Божко

Екатеринбург, Россия, zlatinika@list.ru

Особенности передачи мер в переводах романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»

Меры — один из самых важных элементов, на которые переводчику следует обращать внимание, особенно при переводе произведения литературы фэнтези. Литература фэнтези предполагает, что место действия произведения происходит в реальности, которая есть не что иное, как уникальный мир со своими законами и традициями [Лопухов, Д. Что такое фэнтези: Экскурс в Историю... Электронный ресурс]. Описание этой реальности предполагает использование в тексте наименований мер, обозначающих единицы веса, длины, площади, объема и т. д. Передать их на язык перевода трудно, если только автор произведения не снабжает придуманные им квазиреалии такого типа пояснениями или комментариями, или не использует систему мер, принятую в культуре его родного языка. Последнее значительно упрощает работу переводчика, поскольку используемые единицы можно соотнести с соответствующими единицами родного языка. Однако даже это следует производить с осторожностью, потому что для восприятия данной информации читатель должен знать реальные величины этих мер или хотя бы иметь приблизительное представление о них [Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М, 2009]. Неадекватная передача мер ведет к грубым ошибкам и «ляпам» в тексте перевода.

Во «Властелине Колец» Джон Р. Р. Толкин использует названия мер как исторических, так и принятых в Англии в настоящее время. Выборка представлена 32 единицами оригинала и 139 вариантами их передачи в четырех текстах переводов. Группа вызвала большие затруднения у переводчиков, т. к. ни в одном переводе система мер не отражена адекватно.

В «академическом» переводе **М. Каменкович** и **В. Каррика** при передаче мер наблюдается 42,86% (!) ошибок. В тексте **Н. Григорьевой** и **В. Грушецкого** ошибок при передаче мер 12,12%, а 21,21% мер вообще опущено. У **В. Муравьева** и **А. Кистяковского** опущенных мер тоже

много — 13,51%, а вот доля ошибок в этом переводе составляет 35,14%. Единственный перевод, где система мер Великобритании сохранена более или менее нетронутой (всего лишь 8,82% опущений) и с меньшим количеством ошибок (11,76%) — перевод А. Грузберга. Однако русскоязычный читатель может быть незнаком с данной системой мер, поскольку в России все-таки используют систему мер метрическую. Таким образом, в том, что касается системы квазиреалий-мер, ни один из исследуемых переводов не отображает авторского интенционала адекватно. Это является еще одной иллюстрацией того, что переводчику при передаче даже известных единиц измерения необходимо быть очень осторожным, так как неадекватная передача единиц такого рода может привести к значительным искажениям пространственной и событийной ткани романа.

© Божко Е. М., 2011

С. В. Буренкова

Омск, Россия, burenkova_anna@mail.ru

О национальной специфике немецких и русских кинем

Жестовая коммуникация представляет собой такой же национальный феномен, как и вербальные языки. Контрастивное изучение языка жестов — это форма познания культуры, традиций того или иного народа. Обладая национальной спецификой, средства невербального общения могут обуславливать нарушения принятых в обществе социальных норм, а значит, приводить к непониманию.

Так, многие жесты (кинемы) у разных народов существенно отличаются по своему содержанию, хотя и совпадают по форме. Русские, попав в Германию, недоумевают по поводу улыбок. В Германии так принято: улыбаются в лифте, на почте, в банке, в магазине и даже в метро (*Man lächelt überall*). В западном мире улыбка — это знак культуры, это традиция, обычай. В России не принято улыбаться посторонним. В лучшем случае, это воспринимается как проявление глупости, но улыбка незнакомому человеку в определенной ситуации, в темном подъезде например, может стать и опасной.

В некоторых странах Западной Европы, в частности, в Германии, поднять вверх большой палец сложенной в кулак руки — значит не только выразить одобрение, но и попытаться остановить машину (*per Daumen = per Anhalter*). У русских же этот жест выражает только одобрение (очень хорошо, «на большой палец»), причем по исполнению эти жесты также несколько отличаются.

Русский школьник, студент, желающий ответить на занятиях, поднимает руку, вытянув ладонь; немецкий школьник поднимает указательный палец (*meldender Zeigefinger*).

Выражая свое одобрение в общественных местах, немцы не аплодируют, как это принято делать в культурах других народов, а стучат костяшками пальцев по крышке стола (*akademischer Beifall*), свистят или кричат. При счете они не загибают пальцы, как это принято, к примеру, у русских, а наоборот, разгибают пальцы сжатого кулака.

Овладение системой невербальных коммуникативных средств не менее важно для межкультурного общения, чем знание иностранного языка. В этой связи необходимо отметить, что среди существующего сегодня многообразия лексикографических изданий ощутим недостаток отдельных типов словарей, предмет описания которых, возможно, не вполне традиционен для жанра лексикографии. Таковыми являются словари словесного обозначения кинем, наличия которых на материале только одной лингвокультуры в условиях расширения межкультурных контактов явно не достаточно.

© Буренкова С. В., 2011

Е. М. Велижанина

Екатеринбург, Россия, welizhanina@mail.ru

Семантическая сфера сакрально-религиозного текстатива в притчевом дискурсе Нового Завета

В нашем понимании категории интерпретации и сферы форм ее выражения мы опираемся на концепцию Н. Д. Маровой, согласно которой, текстовая форма выступает в качестве стимулятора потенциально возможного интерпретационного процесса, который, актуализируясь, преобразует форму в особую сферу средств своего выражения. Под *интерпретативным текстативом* понимается совокупность лингвостилистических форм выражения интерпретации в тексте как ментального процесса (Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006).

Согласно нашей концепции, *сакрально-религиозным текстативом* является семантическая сфера, служащая *лингвостилистической формой* выражения процесса сакрально-религиозной интерпретации в тексте новозаветной притчи. Под притчевым дискурсом мы понимаем совокупность всех притчевых текстов и форм, представленных в Новом Завете. Сфера сакрально-религиозного текстатива характеризуется следующим: она позволяет показать своеобразие сакрально-религиозной

интерпретации, создаваемое с помощью лингвостилистических средств (текстативов), и побуждает читателя стать со-творцом сакральной картины видения, уникальной по своим ценностно-индивидуальным чертам; эта сфера проявляет двойную направленность: 1) является носителем интерпретативной семантики; 2) указывает на понятия, категории духовно-нравственного, сакрально-религиозного характера.

Палитра текстативных форм выражения сакрально-религиозной интерпретации в притчевом дискурсе очень широка. Представим некоторые из них: на фонетическом уровне (афереза: *wird's, ist's, fraßen's, erstickten's*); на грамматическом уровне (субстантивированные: прилагательные (*der Böse* («лукавый»), *der Blinder* («слепой»)); причастия: «*die Gesegneten*» («благословенные»), «*die Verfluchten*» («проклятые»); глаголы: «*Heulen und Zähneklappern*» («плачь и скрежет зубов»); на лексическом уровне: (абстрактные понятия («*Vera*» («*der Glaube*», «*die Seele*» («душа»); конкретные понятия («*der Boden*» («почва»), «*das Senfkorn*» («горчичное зерно»); сравнения: («*Es ist wie ein Senfkorn*» («Оно — как зерно горчичное»)); метафоры («*Der gute Same sind die Kinder des Reichs*» («доброе семя — это сыны Царствия»)); на синтаксическом уровне: (императив: «*Wer Ohren hat, der höre!*» («Кто имеет уши слышать, да слышит!»)); обращения: «*Du böser Knecht!*» («злой раб!»), «*Mein Freund!*» («друг!»); риторические вопросы: «*hättest du dich da nicht auch erbarmen sollen über deinen Mitknecht, wie ich mich über dich erbarmt habe?*» («Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?»); антитеза («*der Menschensohn — der Teufel*» («Сын Человеческий» — «Дьявол»)).

Таким образом, семантическая сфера сакрально-религиозного текстатива в притчевом дискурсе Нового Завета служит той вербальной материей, в которую Интерпретатор облакает Высшие Духовные Истины.

© Велижанина Е. М., 2011

И. В. Гендлер, Ю. В. Головачева
Тюмень, Россия, otiumlatinum@yandex.ru

Проблема музыкальной интерпретации поэтического текста (на материале романса А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне» и его музыкальных интерпретаций М. И. Глинки, М. А. Балакирева, С. В. Рахманинова)

Природа поэтического текста изначально основана на музыкальности, определенных мелодических законах. Поэтический

текст применительно к музыкальной культуре оказывается еще более сложным образованием, нежели сам по себе, поскольку на мелодический рисунок стихотворения накладывается музыка, обладающая собственной структурой. В особенности это относится к романсу — жанру, в котором слово и музыка равноценны. Проблема органичности музыкального и поэтического текстов располагает к огромному количеству музыкальных интерпретаций. Вариативность многих романсов стремится к бесконечности. Так, на стихотворение А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» создано более пятидесяти романсов.

Музыкальный вариант М. И. Глинки наиболее прост. В романсе Глинки исполняются только первые два четверостишия, поскольку третья («Я призрак милый, роковой...») оказывается психологически и семантически противоположным мелодии Глинки. Романс М. А. Балакирева выделяется своим восточным колоритом, красочностью гармоний, протяженностью мелодической линии. **Мелодия** Балакирева богато украшена фиоритурами, хроматизмами, близка по стилю импровизации народных певцов.

Романс С. В. Рахманинова отличается определенной компромиссностью: его мелодия не повторяет в точности звучание стиха, как у Глинки, и не подчиняет текст ориентальным мотивам, как у Балакирева. Мелодия романса следует за изгибами поэтической интонации. Рахманинов сохраняет в сопровождении характерные особенности ритма, присущие восточной музыке. Четырехстопный ямб находит свое воплощение в разных типах мелодии.

При столь значительных различиях в композиции и метроритме лексические акценты во всех трех романсах совпадают. В музыкальных вариантах эти акценты выражены главным образом высотой, длительностью и распевностью звука. Настроение музыкальных фраз диктуется семантикой ключевых слов.

Таким образом, для всех трёх романсов, несмотря на их различие, текст Пушкина явился объективной данностью, и во всех трёх музыка согласована с текстом. В многообразии музыкальных интерпретаций романса Пушкина проявляется многообразие вариантов восприятия текста и бесконечность его воплощений в композиторском, исполнительском и слушательском творчестве.

© Гендлер И. В., Головачева Ю. В., 2011

О. И. Данилова

Омск, Россия, olga.dnlv@gmail.com

**К вопросу о сопоставительном исследовании
доминантных метафорических моделей
в художественном тексте (на материале романа
Ф. Мориака «Клубок змей»)**

Цель исследования — выявить метафорические модели, характерные для творчества Ф. Мориака и для французского языка в целом, во французском тексте его романа «Клубок змей» и определить особенности их репрезентации в переводе на русский язык.

Широкий подход к выделению метафор позволил наиболее полно проанализировать специфику авторского мышления (Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003). В тех случаях, когда автор прибегает к использованию индивидуальных образных компонентов или расширяет круг уже существующих вариантов той или иной метафоры, увеличивая тем самым её продуктивность, перевод практически полностью соответствует оригиналу. Следовательно, любой случай метафорического словоупотребления, будь то индивидуально-авторских образов или языковых метафор, характеризует когнитивную доминанту Ф. Мориака.

Взаимодействующими в романе «Клубок змей» являются «Милитарная» и «Зооморфная» метафоры. Причем развернуты они с одинаковой интенсивностью, что является одной из основных тенденций оригинального текста: использовать военную терминологию и зоонимы для обозначения членов семьи главного героя.

При переводе романа Н. Немчиновой были использованы четыре различных пути: полное сохранение образного компонента; усиление образного компонента через добавление концептов, принадлежащих тому же фрейму и слоту, что и метафора оригинала; изменение метафорической составляющей через использование метафор одного типа, но другого фрейма и слота (частичное изменение) или метафоры другого типа, часто имеющей иную сферу-источник (полное изменение); и опущение метафорического компонента.

Функциональные свойства метафорических моделей напрямую коррелируют со степенью сложности и разветвленности их фреймовой структуры. При этом наиболее часто используемые в авторском художественном дискурсе метафорические модели не всегда обладают более

сложной фреймовой структурой по сравнению с малоупотребимыми и не всегда одинаково развернуты в тексте.

Частотность, продуктивность и развернутость являются совершенно самостоятельными характеристиками метафоры и не зависят друг от друга. Но их совокупность определяет метафору как доминантную или не доминантную. При этом доминантной может быть и не сверхчастотная метафора, если она высокопродуктивна и достаточно развернута в тексте.

© Данилова О. И., 2011

Е. Г. Доценко

Екатеринбург, Россия, dotsenko@mai.ur.ru

Антилогика войны у И. Макьюэна и Г. Грасса

Г. Грасс и И. Макьюэн — авторы очень разные, но бесспорно заслужившие наименование «крупнейший современный» писатель в литературах, столь значительных, как немецкая и британская. «Искупление» И. Макьюэна и «Траектория краба» Г. Грасса созданы в 2001 и 2002 гг. соответственно и для каждого из авторов не являются первым обращением к теме Второй мировой войны. У Макьюэна можно назвать роман «Невинный», у Грасса — почти все его произведения, начиная от «Жестяного барабана». Война интересует писателей не столько как «история» или «фон»: для Г. Грасса — это универсальная модель мира, онтологически не желающего покинуть стадию хаоса, для И. Макьюэна — скорее синоним тотальной случайности и непознаваемости, определяющих наше существование.

События, на которых останавливают свое внимание авторы романов, — вряд ли можно назвать самыми славными страницами Второй мировой, и оценка этих событий неоднозначна. В романе И. Макьюэна герой, уже переживший серьезный и незаслуженный крах своих личных надежд, оказывается в действующей армии (Британском экспедиционном корпусе), совершенно не подготовленной к войне с немцами. Разрозненное отступление, больше похожее на бегство, британских войск из Франции после немецкого blitzkriega в мае 1940 г. показано «из зоны» героя — Робби Тернера. Он ранен, измучен годами тюрьмы, военной муштрой, разлукой с возлюбленной, и физически ему становится все хуже, а мысли путаются. Агония героя, который, впрочем, даже в этом состоянии просто не умеет быть эгоистом, вполне согласуется с хаосом отступления, а затем и морской эвакуацией, дожить до которой в романе и в «реальности» дано было не всем, кто стремился вернуться домой.

В романе Грасса именно эвакуация на морском лайнере «Вильгельм Густлофф» — беженцев из терпящей поражение Германии в 1945 г. — могла бы стать отправной точкой повествования, но и развитие действия, и логика самой истории обозначены здесь исключительно как возвратное движение, «траектория краба». Корабль «Вильгельм Густлофф» был торпедирован советской подлодкой и затонул. Судьбы многих людей, связанных с «Густлоффом» непосредственно или опосредованно, судьбы кораблей и, наконец, государств оказываются в сфере внимания и в равной мере не демонстрируют «закономерности» исторического процесса. В отношении исторических фактов и Г. Грасс, и И. Макьюэн используют свободные интерпретации. Важно, что в обоих романах история, как бы хаотична или, напротив, циклична она ни была, — это уже вторичная художественная реальность. Акцент сдвигается на множественность вымысла, в свою очередь подчиняющегося только авторской логике. Но писателям удается убедить нас и в том, что война логичной быть не может.

© Доценко Е. Г., 2011

И. Ю. Кожевникова

Омск, Россия, borderomsk@hotmail.com

Проблемы перевода высокой лексики

Отражение современной социально-культурной ситуации можно наблюдать в лингвистических реалиях. В век всеобщей компьютеризации и глобальных коммуникаций, современный русский человек легко овладевает двумя-тремя иностранными языками и не менее легко овладевает языком современного мультимедийного сообщества, такие благозвучные лексические единицы, как *«толерантность»*, *«саммит»*, *«популизм»*, *«плюрализм»*, *«мораторий»*, *«провайдер»*, *«блоггер»*, *«продюсер»* и многие другие были заимствованы и ассимилировались в современном русском языке. Но нельзя и не указать на процесс «возрождения», связанный с употреблением так называемой *высокой* лексики. Данный процесс стал возможным благодаря изменившейся государственной политике направленной на духовно-нравственное возрождение России.

За последние два десятилетия, число православных верующих возросло в несколько раз, были возвращены, отреставрированы и возведены заново тысячи храмов, монастырей, соборов. Такие понятия как *«соборование»*, *«елей»*, *«епархия»*, *«ангел»*, *«целомудрие»*, *«стяжание»*, *«благочестие»*, *«тропарь»*, *«кондак»*, *«псалтирь»*, и др. вер-

нулись в лексику современного русского языка. Если с неологизмами, пришедшими в русский язык из английского, проблем в переводе назад на английский, не составляет труда, то с *высокой* лексикой возникают некоторые трудности.

Проблемы перевода в первую очередь связаны с тем, что православная терминология, пришедшая из церковно-славянского или из древнегреческого, нуждается в поиске эквивалента в русском языке. Далее, задача перевода заключается в том, чтобы не только передать смысл, но и стиль языка, т. е. найти такой английский термин, которое могло бы передать окраску и звучание церковно-славянского языка, являющийся священным (от греч. «иерос», т. е. отделённым от обыкновенного) богослужебным языком потому, что создан был Кириллом и Мефодием для высшей цели — для богослужебного употребления, для церковного прославления Бога и общения с Ним.

На сегодняшний день в современной филологии и лексикологии возобновились изучение и разработка методологии изучения церковно-славянского языка. Имеются этимологические исследования по грецизмам и латинизмам, как в русском, так и английском языках. Но в переводоведении это проблема мало разработана. Таким образом, актуализируя данный пласт лексики, мы считаем необходимым более глубокое изучение данного вопроса, в этом заключается теоретическая и практическая значимость исследования.

© Кожневникова И. Ю., 2011

Л. А. Красноборова

Пермь, Россия, lokr@yandex.ru

К вопросу об особенностях перевода инфинитива в современном французском языке

1. В практической деятельности студентов начальных курсов, осваивающих грамматические трудности перевода с французского языка на русский, существуют трудности в переводе сложной формы инфинитива.

2. Действие в предложении может быть обозначено не только глаголом в личной форме, осуществляющим предикацию, но и неличными формами глагола, в частности инфинитивом, представляющим собой полупредикативную единицу, поскольку в нем отсутствует самостоятельное выражение категорий лица, времени, модальности (Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000).

3. Предложение для перевода *Je crois vous avoir aperçu tout à l'heure* (Aymé M. Contes et nouvelles. Moscou, 1967) содержит вторичную предикацию и отражает наличие двух ситуаций: 1) состояние субъекта, высказывающего суждение, — *je crois* (я думаю), 2) факт того, что он заметил другого человека — *avoir aperçu*. Лишь 2 студентов из 20 продемонстрировали понимание ситуации, обозначенной предложением: Мне кажется (Думаю, что), я Вас только что видел. В неудачных вариантах перевода студенты интерпретировали вторую ситуацию как следующую за первой: Думаю, мы скоро с Вами **увидимся** (я Вас **замечу**) или как одновременную с первой: Думаю, я Вас **замечаю** (**вижу**).

4. Причины неверной интерпретации предложения, вероятно, затрагивают как формальный, так и содержательный уровень. В русском языке не существует эквивалента сложной форме инфинитива, поэтому последнюю можно перевести придаточным предложением, деепричастием прошедшего времени совершенного вида или отглагольным именем.

Сложная форма инфинитива, образована, как и аналитические времена, при помощи вспомогательного глагола (в инфинитиве) и причастия прошедшего времени. Неличные глагольные формы по-разному представляют внутреннее время действия. Простая форма инфинитива обладает потенциалом внутреннего неизрасходованного времени. Причастие настоящего времени отображает действие в его реализации. Причастие же прошедшего времени указывает на то, что время для осуществления действия закончилось; такое причастие называют *мертвой* формой глагола, подчеркивая, что это законченное действие, некий его результат (Guillaume G. Temps et verbe. Paris, 1929). Любая аналитическая глагольная форма, включающая *participe passé*, означает законченное действие. Сложная же форма инфинитива проявляет категорию таксиса, выражающую порядковые отношения между действиями, и всегда означает действие, предшествующее по отношению к главному действию, обозначенному глаголом-сказуемым (Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000).

Будучи не сопровождаемой предлогом *après* ‘после’, значение которого бы эксплицитно указывало на отношение предшествования, сложная форма инфинитива вероятно, вызывает у студентов сложность в ее интерпретации.

© Красноборова Л. А., 2011

В. А. Курницкая

Ташкент, Узбекистан, violett_ka@mail.ru

Вставное произведение в комментарии романа-комментария «Подлинная история «Зеленых музыкантов» Е. Попова

Вставное произведение в романе-комментарии Е. Попова (Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов». — М.: Вагриус, 2003. — 335 с.) позиционируется как «отрывки из романа под условным названием «Мина»», создаваемого в 1993 г. в Москве. Это три рассказа с единым названием, которые создаются тремя писателями, названными автором писателями А, В и С. По содержанию описываемые романы вторичны. Вступление строится путем совмещения разнообразных лексических пластов, стилизованных под библейские тексты. Произведение писателя А: разоблачение коммунистов с их последующим наказанием в духе церковного покаяния, присущего, например, А. Солженицыну. Писатель Б творит, собственную версию тургеневского «Накануне» (Попов Е. Накануне накануне. М.: Текст, 1993), обыгрывающий турнегевский сюжет и знакомые по русской классике образы. Писатель С «желает мира и счастья всем людям планеты, но к сожалению, этого мало для сочинения полноценного художественного текста». Сюжеты трех текстов про Катри, Катюзу и Катарину отделены друг от друга арабскими цифрами. Сюжет рассказов строятся по принципу «преступление-наказание» и последующая смерть в наказание за грех. Мораль — досада, что Бог так нелепо управляет Землей.

Все три рассказа имеют единый зачин, вводящий в место и время действия и представляя героиню рассказа. По сюжету все девушки лишаются отцов. Концовка рассказов также едина.

В романе-комментарии семантические связи явлены на организационном уровне, интерпретация замысла произведения заключается в вычленинии «сверхидеи», скрепляющей вставные части. Дискретность текстов, организованных по тематическому принципу, помогает актуализировать эти связи, ведь его структура подразумевает одновременную расчлененность и общую связь, последняя требует от читателя своего восстановления. Когда в дискретном разомкнутом тексте появляется вставное произведение, в принципе призванное еще более подчеркнуть разорванность, в результате усиливается пригнанность элементов комментария и других элементов текстологического аппарата, укрупняется «сверхидея», скрепляющая все элементы внутри текстологического аппарата.

© Курницкая В. А., 2011

Е. В. Ларцева

Екатеринбург, Россия, ekalarceva@yandex.ru

Имена собственные и нарицательные американского происхождения в романе Ника Хорнби «Мой мальчик» (на примере слов музыкальной сферы)

Особенности английского языка в Америке и английского языка в Великобритании обсуждаются в отечественной и зарубежной научной литературе в течение длительного времени. В последние годы все более актуальным становится вопрос о влиянии американского варианта английского языка на британский вариант. Заметим, что в современных условиях данная проблема часто рассматривается в контексте разговора об американизации политики, экономики, культуры и языка в целом.

На сегодняшний день влияние американского варианта английского языка на британский вариант обнаруживается не только в устном общении, Интернет-общении, британской прессе, но и в языке художественной литературы. При этом важно отметить, что одним из основных источников проникновения американизмов в британский английский язык, наряду с фильмами и телепередачами, является популярная американская музыка.

Анализ романа Ника Хорнби «Мой мальчик» наглядно демонстрирует высокую популярность американской музыки в Великобритании. Об этом свидетельствует то, что имена собственные и нарицательные американского происхождения в романе количественно превосходят имена британские. В романе прослеживается разделение слов музыкальной сферы на две группы. В первую группу входят имена собственные и нарицательные, относящиеся к образу Уилла (например, *hip-hop, rapper, grunge, Snoop Dogg, Tupac, Warren G, MC Hammer*) и характеризующие его как человека модного, современного, находящегося в курсе последних тенденций. Почти все они являются словами американского происхождения. Напротив, во вторую группу входят имена, характеризующие Маркуса и Фиону, как героев старомодных, странных (*Joni Mitchell, Bob Marley*).

Широкое распространение американской музыки в Великобритании является, в свою очередь, одной из основных причин проникновения американской лексики, в британский вариант английского языка. Каждое музыкальное направление имеет определенный набор лексики, сначала употребляющейся и модной только в рамках данного направления, а затем приобретающей широкое использование. В качестве при-

меров можно привести такие слова, как *cool*, *bootylicious*, *hottie/hotty*. Большинство таких слов относится к разговорной лексике и сленгу.

© Ларцева Е. В., 2011

И. Г. Мальцева

Екатеринбург, Россия, inmalzeva@mail.ru

Роберт Мюллер

Роберт Мюллер очень плодовитый и уважаемый в свое время австрийский писатель-экспрессионист, эссеист и издатель до сих пор совершенно незнаком русскому читателю.

Роберт Мюллер родился 29 октября 1887 г. в Вене в семье коммерсанта. Поэтическое самосознание Р. Мюллера формировалось в эпоху модернизации столицы Австро-Венгерской империи и царящей в то время культурной атмосферы рубежа веков и особого духа культуры Венских кафе.

В конце 1909 года, прервав свое обучение в Венском университете, Р. Мюллер по приглашению своего дяди уезжает в Нью-Йорк работать журналистом. Предположительно до осени 1910 года Р. Мюллер работает репортером, затем он уходит со службы и зарабатывает на жизнь, продавая газеты на улицах Нью-Йорка. Благодаря этому городу формируется представление писателя о связи современной интеллектуальности и городской среды.

Осенью 1911 года Р. Мюллер возвращается в Вену и начинает свою деятельность при «*Akademischer Verband für Literatur und Musik in Wien*» («Венском академическом литературном и музыкальном союзе»). В 1912—1914 гг. он принимает на себя литературное руководство данным союзом.

Наряду с наступающим потоком публикаций — более 500 эссе в 41 различных газетах и журналах — в фокусе творчества писателя находится издательская деятельность, в которой он, однако, успеха не имеет.

В сентябре 1914 года Р. Мюллер добровольцем уходит на фронт. Осенью 1915 года, в связи с психическим заболеванием, вызванным военной травмой, его демобилизуют и назначают редактором газеты *Belgrader Nachrichten*. В этом же году в Мюнхене выходит в свет самое важное произведение Роберта Мюллера «*Tropen. Der Mythos der Reise. Urkunde eines deutschen Ingenieurs*» («Тропики»).

Вернувшись в Вену в октябре 1918 г., Р. Мюллер основывает тайное общество «*Katakombe*» («Катакомбы»), просуществовавшее месяц. Затем «*Bund der geistig Tätigen*» («Союз духовно действующих»), глашатаем которого становится журнал *Der Strahl*.

В 1919 г. совместно со своим братом Р. Мюллер организует общество с ограниченной ответственностью «*Literaria*». В 1922 оно становится акционерным обществом и вскоре является одним из крупнейших книготорговых предприятий Вены. В 1923 г. Р. Мюллер покидает пост директора «*Literaria*».

В 1924 г. Мюллер основывает издательство «*Atlantisches Verlag*», с которым терпит неудачу, в этом же году издательство обанкротилось. 27 августа 1924 года Р. Мюллер стреляет себе в грудь во время прогулки в Пратерауене (*Praterauen*), спасти его не удалось.

© Мальцева И. Г., 2011

Н. Д. Марова

Екатеринбург, Россия, ninamarova@yahoo.com

Максимы интерпретации текста

Под максимой интерпретации будем понимать высшую степень проявления принципов ее существования и функционирования как одной из фундаментальных форм текстоментальной деятельности, основой которой полагается перспектива, устанавливающая взаимообразное единство ментального и текстового феноменов, результатом чего является проецирование определенной картины видения. Интерпретация мыслится при этом в качестве посреднической процедуры для выражения индивидуально-статусного своеобразия данной картины в «зеркале» определенной перспективы. В следующих максимах интерпретации концентрируется, на наш взгляд, уникальность ее текстоментального потенциала.

Максима веры, или веритативности, имплицитно подразумевает внутреннюю убежденность интерпретатора в гипотетической адекватности выстроенной им картины видения некоторой субъективной точке зрения. В этом случае речь идет не о том, чтобы считать рассматриваемую картину видения истинной или ложной. В аспекте интерпретативной веры любая мысль или высказывание приобретают смысл, будучи изначально носителями определенной точки зрения. В целом, максима веры исходит из уверения в своеобразии каждой текстоментальной картины видения и способствует удостоверению ее безусловной индивидуальной специфичности. «Усмотреть» ее — значит, уверовать в ее данность.

Максима свободы, или либертативности, предполагает неограниченность перспективы интерпретатора и его движения от одной аутентичной точки зрения к другой, от аутентичной к неаутентичной, и наоборот. Эта максима приводит к оправданию гетерологичности, суверенности и эфемерности текстоментального видения.

Максима культуративности предписывает конвенциональную ценность самого существования текстоментальных картин видения и возможность «бескорыстного» признания их перспективы в некотором культурологическом контексте. Основной эффект этой максимы кроется в рефлексивном осознании и подтверждении их своеобразия как их индивидуально-статусного достоинства и универсального достояния.

Максима экзистантивности предопределяет участь текстоментальной картины видения быть «отданной интерпретации». Тем самым интерпретатор оказывается перед альтернативой выбора определенной коннотативной перспективы для каждой данной картины видения, что, в свою очередь, усиливает ее индивидуальное своеобразие, становясь ее «судьбой», и решает, в конечном итоге, статусное бытие текстоментального сознания самого интерпретатора.

© Марова Н. Д., 2011

Т. А. Мезенцева

Екатеринбург, Россия, tanya_mezentseva@mail.ru

Эмотивная лексика в художественных текстах

Лексическая система каждого языка обладает уникальными семантическими характеристиками, которые во многом обуславливаются присущими каждому языковому коллективу культурно-национальными особенностями. Особая роль в языковой картине мира принадлежит лексическим единицам.

Эмотивная лексика, объединяясь семантикой эмоций, составляет подсистему лексического фонда. Эмотивной лексике присущи определенные семантические и структурные особенности.

Тексты художественных произведений, написанные на разных языках, могут служить средством познания речевого поведения носителей данных языков. В текстах художественных произведений проявляется единство языковой и культурной составляющих некоторой национальной общности, даются ее социокультурные и антропологические характеристики.

В романе Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» описание эмоций героев имеет существенное значение. Большое количество анекдотических положений и ситуаций в романе предрасполагает к ярким эмоциональным реакциям персонажей. Изображение различных проявлений эмоциональности имеет значение для восприятия каждого из героев романа и всего романа в целом.

Эмоция удивления в романе «Посмертные записки Пиквикского

клуба» встречается довольно часто (около 300 эпизодов). Герои произведения, поскольку они путешествуют, часто попадают в неожиданные обстоятельства, и в результате этого испытывают удивление. Эмоция удивления амбивалентна, так как, в зависимости от ситуации, она может получать положительную или отрицательную окраску.

Выявленный корпус эмотивной лексики удивления в оригинальном варианте романа на английском языке включает 127 лексем, используемых 588 раз.

Для анализа лексического значения эмотивного слова используется метод компонентного анализа.

Лексические средства удивления разделяются на две основные группы: категориально-эмотивная лексика удивления, в значении которой эмотивные смыслы удивления представлены как основные, и дифференциально-эмотивная лексика, в значении которой эмотивные смыслы удивления представлены как дополнительные.

© Мезенцева Т. А., 2011

Э. В. Мухамедова

Астрахань, Россия, elyalyona@mail.ru

Объективация концепта дом в романе А. Кронина «Замок Бродди»

Анализ лингвокультурного концепта предполагает выявление его понятийных, образных и ценностных характеристик. Для установления понятийных особенностей изучаемого концепта были изучены словарные статьи лексемы «house», выбранной нами в качестве узловой, как выполняющей генерализирующую функцию. Исследование позволило вывести следующие ключевые значения лексемы «house»: 1) место проживания человека или семьи; 2) семья, род, семейный клан, династия; 3) правительственный орган, совет; 4) коммерческое предприятие.

Далее анализу подверглись пословицы, поговорки и другие ценностно-маркированные высказывания, которые отражают отношение индивидуальных и групповых носителей языка к данному концепту, показывают народное осмысление концепта, позволяют проследить ход его развития, являются ярким примером проявления духа, сознания, мышления, быта народа. К числу самых известных подобных высказываний относятся: *East or West, home is best*; *There is no place like home*; *Dry bread at home is better than roast meat abroad*; «Houses are built to live in, and not to look on» (Francis Bacon); «Home is a name, a word, it is a strong one; stronger than magician ever spoke or spirit ever answered to, in

the strongest conjuration» (Charles Dickens); «For the whole world, without a native home, is nothing but a prison of larger room» (Abraham Cowley).

Предметом особого исследования является вербализация концепта «дом» в романе Арчибальда Джозефа Кронина «Замок Броуди». Характеристика ключевых персонажей (членов семьи Броуди) и их взаимоотношений, как между собой, так и с внешним миром, а также определение роли дома-«замка» в судьбе каждого из них должно способствовать более объективному и глубокому раскрытию образной и ценностной компонентов концепта. Перед читателем предстает семья, обладающая лишь номинальными признаками таковой: вечные семейные ценности любви, взаимоуважения, поддержки и сочувствия не находят своего проявления вследствие довлеющего над домом страха перед суровым нравом хозяина. «Замок» не стал для его обитателей местом семейного тепла и уюта, но тюрьмой, а для жены и младшей дочери даже могилой. Дом в романе — олицетворение и продолжение деспотичного характера его владельца; вместе с крахом семьи и деградацией хозяина дом тоже приходит в упадок. Жители городка Ливенфорд, в котором разворачивается драма семьи Броуди, дают исключительно негативную оценку дома, полностью ассоциируя его с главным героем. Изображение дома как тюрьмы и живого монстра позволяет говорить о наличии отрицательной коннотации в исследуемом концепте, что вступает в противоречие с общепринятым восприятием образа дома в британской лингвокультуре, как крепости и надежном укрытии.

© Мухамедова Э. В., 2011

В. С. Наумова, Н. В. Пестова

Екатеринбург, Россия, wera.naumowa@yandex.ru

Сема чувственности в лирике П. Больдта

Пауль Больдт, «самая загадочная фигура немецкого экспрессионизма». Предметом исследования в данном случае является «чувственность», а именно ее проявления в стихотворении Пауля Больдта «Junge Pferde! Junge Pferde!» («Юные кони! Юные кони!»).

Неслучайно, образ «юных коней, галопирующих стадами туда и сюда, нос по ветру, неистово и своенравно, без седока» (Scheiffele, E. «...knappe, statuarische, eisklare Sinnlichkeit»: Zum Bildhaften Ausdruck in den Gedichten Paul Boldt's. Heidelberg: Germanisch-romanische Monatsschrift. Bd 27., 1977), симптоматичен для поэзии раннего экспрессионизма. Кто же создал этот образ? Среди поэтов той поры незаслуженно забытым является Пауль Больдт, чье творческое наследие (84

стихотворения и 2 новеллы), малоизучено зарубежными и отечественными исследователями. Критика неоднократно подчеркивала особую чувственность в лирике П. Больдта. «Это относится к его эротичным сюжетам, но, прежде всего, к образному языку П. Больдта, к чисто «сенсуальным вещам», о которых рассуждает К. Хиллер» (Scheiffele, E. «...knappe, statuarische, eisklare Sinnlichkeit»: Zum Bildhaften Ausdruck in den Gedichten Paul Boldt's. Heidelberg: Germanisch-romanische Monatsschrift. Bd 27., 1977).

В данной статье мы постараемся выяснить, только ли в образе «юных коней» заложена «...узкая, неподвижная, ясная, как лед чувственность» (Там же).

© Наумова В. С., Пестова Н. В., 2011

Е. Г. Фоменко

Запорожье, Украина, clara8257@mail.ru

Эпифаническое откровение в языке Джеймса Джойса

Джеймс Джойс создает новую модель художественного текста, пользуясь, подобно средневековым схоластам, ключом эпифании, религиозного понятия, которое преобразуется в познание художественным языком откровений ИСТИНЫ. Христианское начало в эпифанической модели художественного текста дает толчок к пробуждению духовной жизни, возводя первичность СЛОВА в ценнейший общечеловеческий опыт, которым открывается мир духовной целостности в пульсирующих эпифанизациях как поворотах внутреннего сознания. Выбор Джойсом религиозного термина для модели художественного текста, в котором первичен язык, символичен, поскольку христианская духовность в ее высших проявлениях СОПРИКОСНОВЕНИЯ завершает ЕДИНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО и ДУХОВНОГО. Язык Джойса динамичен в открытии своей сути как эмоционального взрыва, устремленного к вселенной языка, панъязыковому пространству СОПРИКОСНОВЕНИЯ, где ДЕЙСТВИЕ/НЕ-ДЕЙСТВИЕ и ЕДИНЕНИЕ/НЕ-ЕДИНЕНИЕ стремятся к гармонии познаваемого мира. Эпифаническая модель, свертывающая традиционное повествование, отличается цикличностью, многослойной ассоциативностью, освоением языкового потенциала в вариациях множасьих смыслов. Она функционирует в едином коммуникативно-когнитивном пространстве художественного дискурса, обогащая литературный язык структурированием художественного текста на новых, лингвотипологических началах, которые связывают однохронные, современные друг другу идиостили писателей. Ее можно определить как языковое, концеп-

туальное, ментальное, психическое пространство внутреннего человека, воплощающее ценности и воззрения, философию познания эпохи. Она может быть представлена как рефлексия на христианскую эпифанию, из которой заимствуется явление неожиданной встречи, позволяющей взглянуть на мир по-новому, в концептуализациях, рожденных первичностью языка. Эпифанический текст устремлен к многократным фокусам-эпифаниям как непрерывному познанию взаимосвязи идеального и реального миров специально организованным языком художественного мышления, которым создается СОПРИКОСНОВЕНИЕ ЕДИНЕНИЕМ, концептуально близкое разным языкам и культурам.

© Фоменко Е. Г., 2011

А. А. Чикваидзе

Кутаиси, Грузия, anna-chikvaidze@mail.ru

К проблемам перевода: влияние культуры на язык

Изучение взаимодействия языка и реальности, языка и культуры является в настоящее время одной из актуальных проблем современной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Подобные исследования играют важную роль для совершенствования эффективности межкультурного общения и для преподавания иностранных языков. С помощью языка одно поколение передает культурное наследие другому. Так как каждый носитель языка является в то же время и носителем культуры, языковые знаки становятся знаками культуры, передают ее основные установки. Ассоциации, подтексты и нюансы языка влияют на культуру и сами в свою очередь испытывают влияние культуры. Люди различных культур структурируют мир вокруг себя по-разному, по крайней мере в языке, который они используют для описания своей действительности. Культурные различия в способе языковой концептуализации мира, безусловно, отражаются в лексической системе языка. В первую очередь, в безэквивалентной лексике (лакунах). При переводе семантические объемы слов, обозначающих даже одни и те же явления в различных языках, отличаются друг от друга. Кажущаяся понятийная эквивалентность слов может привести к неточности при переводе, и возникает коммуникативный барьер. Несомненно, наибольшую сложность для адекватного перевода и понимания в межкультурном общении представляют фразеологические сращения и фразеологические единства которые отражают культурные особенности носителей языка. Как показывают исследования, культура влияет не только на лексику языка, но и на его прагматику. Например,

выбор указания на себя и других в американском английском отражает особенности американской культуры. Культурные различия были зафиксированы и в других областях человеческого общения (извинения, самораскрытие, комплименты, взаимная критика). В настоящее время активно изучается феномен билингвизма. Результаты исследований на данный момент свидетельствуют о непосредственной связи между языком и культурой. Язык отражает менталитет народа, его национальный характер, мироощущение, систему ценностей. Обучение иностранным языкам как средству коммуникации будет успешным в том случае, если языки будут изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов. Изучение мира носителей помогает лучше понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки единиц языка и позволяет избежать барьеров в коммуникации.

© Чикваидзе А. А., 2011

Н. В. Шутёмова

Пермь, Россия, manchinova@perm.ru

Становление понятия поэтического перевода

Эволюция теории поэтического перевода в значительной мере обусловлена, с одной стороны, закономерностями развития науки о переводе, с другой — сопоставительными исследованиями национальных литератур. Это позволяет выделить в процессе становления понятия поэтического перевода лингвистический и литературоведческий векторы.

В специальных теориях художественного перевода данное понятие традиционно охватывается более общим понятием художественного перевода, а в общих теориях перевода — соответственно понятием перевода, которые, как правило, и являются предметом специального рассмотрения. При этом собственно специфика поэтического перевода остается вне поля зрения, а поэтический текст используется в качестве материала, иллюстрирующего основные концептуальные положения.

Если традиционное переводоведение развивается на основе представления о доминанте эстетической функции художественного текста и понятий эквивалентности, субституций и трансформаций, не предлагая, однако, системного осмысления специфики поэтического текста и перевода, то в деятельностных теориях художественного перевода, исходящих из специфики художественного типа текста и основывающихся на понятии мыследеятельности, специфика поэтического текста и перевода также не эксплицируется.

© Шутёмова Н. В., 2011

Теория и методика обучения языку и межкультурная коммуникация

М. Г. Абашина

Санкт-Петербург, Россия, r203@imop.spbstu.ru

Литература Древней Руси в иностранной аудитории

В Институте международных образовательных программ СПбГПУ в рамках учебного курса «История русской литературы» для иностранных студентов гуманитарных специальностей преподаётся литература Древней Руси.

Цель данного раздела — дать студентам представление о древнейшем периоде в русской литературе и культуре (XI—XVII вв.).

В начале раздела говорится о роли принятия христианства в появлении и развитии письменности и литературы и об обусловленных этим особенностях средневековой литературы и культуры в целом: пронизанность религиозными идеями, строгая система жанровых канонов, церемониальный характер, воспитательная направленность.

Отдельными темами изучаются:

1. Жанр летописи на примере «Повести временных лет». Анализируется содержание и структура древнейшей русской летописи.

2. Агиографический жанр — жития святых. Анализируются законы данного жанра — традиционность композиции, абстрактно-идеализированное изображение человека и действительности.

3. «Слово о полку Игореве» — уникальный памятник XII века, синтезирующий литературные и фольклорные традиции.

4. Литература XIII—XVI веков — эпохи татаро-монгольского завоевания и последующей эпохи усиления Московского княжества и создания централизованного государства (обзорно).

5. Литература XVII века. В этой части говорится об изменениях, происшедших в этот период — постепенная секуляризация и демократизация литературы, появление новых жанровых форм. Говорится о влиянии переводной литературы и западной культуры в целом. Отдельно мы останавливаемся на «Житии протопопа Аввакума», автор которого впервые в литературе отходит от абстрагирования и излагает реальную биографию конкретного человека.

В ходе занятий студентам предлагаются для чтения фрагменты памятников древнерусской литературы в переводе на современный язык.

Эта часть курса предусматривает посещение Русского музея для знакомства студентов с изобразительным искусством Древней Руси.

© Абашина М. Г., 2011

Ю. А. Бушманова

Заречный, Свердловская обл., Россия, bushmanova.julia@yandex.ru

Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранному языку

Существующие программы по английскому языку уже не соответствуют современным, а тем более перспективным требованиям, поскольку не могут обеспечить полноценную подготовку человека к меняющимся условиям жизни. Новые знания должны поступать в систему образования непосредственно в процессе обучения иностранному языку, и они не могут транслироваться только устами педагога, значит учащийся должен уметь самостоятельно, творчески работать с такого рода информацией, аналитически выбирать необходимую информацию.

Одним из путей повышения эффективности обучения иностранному языку является использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе мультимедиа. ИКТ подразумевает определённое научное направление, конкретный способ работы с информацией: совокупность знаний о способах и средствах работы с информационными ресурсами, а также способ и средства сбора, обработки и передачи информации для получения новых сведений об изучаемом объекте. Информационная технология обучения иностранному языку — это педагогическая технология обучения, использующая специальные способы, программные и технические средства для работы с информацией. Мультимедиа (мультимедиа средства) — это компьютерные средства создания, хранения, обработки и воспроизведения в оцифрованном виде информации разных типов: текста, рисунков, схем, таблиц, диаграмм, фотографий, видео — и аудио фрагментов. Мультимедиа обеспечивает возможность интенсификации языкового обучения и повышение мотивации обучения за счет применения современных способов обработки аудиовизуальной информации.

В результате коренным образом изменился весь учебный процесс. Он протекает у экрана проектора или компьютера, в учебных центрах, обладающих огромными банками данных, в мультимедийных кабинетах. Английский язык изучается в мире виртуальной реальности. В процессе обучения школьники могут использовать сеть Интернета, которая позволяет обеспечить доступ к мировым информационным ресурсам.

Школьники имеют возможность черпать знания из Wikipedia (энциклопедии), вместо чтения старой книги. Электронная форма предоставления учебной информации представляет собой удобную альтернативу традиционным бумажным учебным материалам: учебникам, учебным пособиям, журналам и т. д. Главное преимущество использования ИКТ в обучении иностранному языку — демонстрационные характеристики в предоставлении учебного материала (звуковые, видео файлы, мультимедиа ролики, динамические изображения, анимации).

© Бушманова Ю. А., 2011

И. А. Гиниатуллин

Екатеринбург, Россия, profgin123@yahoo.com

Межкультурная коммуникация: деятельностное содержание в контексте речевой коммуникации

Речевая коммуникация основывается на действиях *порождения и восприятия речи*, а предметом этой деятельности являются создаваемые или принимаемые для обмена информацией *речевые сообщения* (Шукин, 2007, 273, 276).

Базой межкультурной коммуникации (МКК) является *когнитивно-продуктивная деятельность*, предметом которой выступают *релевантные для взаимодействия межкультурные различия на фоне сходства между культурами*. В эту деятельность входят **когнитивные действия восприятия, распознавания, интерпретации феноменов другой культуры** (последняя предполагает межкультурное сопоставление, выявление различий на фоне общего, максимально достижимое понимание, включение понятого в имеющиеся знания, представления, оценки, их подтверждение/отрицание, расширение, коррекцию, их эмотивное переживание, выводы для возможных речевых и неречевых действий по отношению к субъектам и объектам другой культуры), а также **продуктивные действия применения результатов этой интерпретации для оптимизации последующей речевой и неречевой коммуникации, других актуальных видов социально обусловленной деятельности и для рефлекслируемого личностного развития**. Естественно, что не в каждом конкретном акте МКК содержатся сразу все виды действий.

Г. В. Елизарова обоснованно говорит о «посреднических умениях» участника межкультурного общения как медиатора между собственной и другой культурой (Елизарова, 2005, 260—261). По нашему мнению, актуальные межкультурные когнитивно-продуктивные действия (умения) и являются таковыми непосредственно или образуют базу для

последующих (но также когнитивно-продуктивных) «медиаторских» действий (умений) более высокого уровня.

Наличие мотивации, её усиление, формирование межкультурной когнитивно-продуктивной деятельности на базе исходных и развивающихся знаний, личностных качеств при накоплении стабилизирующего опыта должно привести к целевой межкультурной *компетентности*.

Понимаемый подобным образом деятельностный стержень межкультурной коммуникации составляет относительно целостное образование с выходом в речевую коммуникацию и неречевые виды деятельности. Для речевой общения МКК является источником факторов, которые в зависимости от условий могут влиять на мотивы, содержание, языковой инструментарий и конечные эффекты речевого взаимодействия. Иначе говоря, МКК вполне может рассматриваться как целостная особая часть речевой коммуникации и как средство её оптимизации. Именно такой подход и представляется нам первостепенным для технологии межкультурного обучения ИЯ. С другой стороны, имея в виду макросистему самой МКК, вполне возможно считать речевую коммуникацию *средством* реализации и совершенствования межкультурной. Этот взгляд особенно значим для общепедагогического аспекта межкультурного образования средствами иностранного языка.

Отметим, что в методическом плане — при отборе, методической организации материала, установлении связей с «традиционным» содержанием обучения — важно сохранить относительно системную *целостность* функционально-деятельностного содержания межкультурной составляющей, что обеспечивается, в первую очередь, целостностью комплекса основных межкультурных действий и достаточностью исходного описания межкультурных различий, к которым эти действия обращены.

© Гиниатуллин И. А., 2011

Е. Е. Горикова

Екатеринбург, Россия, katyag@mail.ru

Адаптация материалов международных экзаменов по ИЯ для рубежного и итогового контроля в вузе (на примере испанского языка)

Принято считать, что содержание обучения определяется целью обучения ИЯ. Согласно практическим целям обучения ИЯ можно условно выделить ряд направлений образовательной деятельности по ИЯ: подготовка к поступлению в вуз, подготовка к сдаче международного экзамена по языку, собственно развитие коммуникативной и межкуль-

турной компетенции на разных уровнях. Содержание обучения в каждом случае существенно различается. При этом актуальным остается вопрос контроля достижения поставленной цели в последнем случае.

Представляется, что адаптация размещенных в открытом доступе материалов международных экзаменов для задач рубежного и итогового контроля поможет:

1) объединить направления подготовки студента языкового вуза, т. е. выпускник языкового направления подготовки, должен быть готовым к соответствующим его уровню языковым экзаменам международного характера;

2) использовать многолетний опыт западных методистов в области контроля сформированности ключевых компетенций по ИЯ в контексте сближения наших образовательных систем согласно Болонским декларациям;

3) снизить затраты преподавателя по разработке материалов для контроля.

Рассмотрим опыт применения экзаменационных материалов DELE по испанскому языку для проведения зачетов и экзаменов слушателей программы профессиональной переподготовки по программе «Теория и практика иностранного языка».

Международный экзамен DELE Основан на общеевропейском языковом портфеле и традиционном понимании компетенций: имеет 6 уровней: от A1 до C2, материалы по которым размещены в открытом доступе (<http://diplomas.cervantes.es/candidatos/modelo.jsp>).

Принципы адаптации материалов DELE для рубежного контроля:

1. Соотнести уровни владения испанским языком по DELE и учебную программу практического курса испанского языка.

2. Определить тематическое (прежде всего, грамматическое и лексическое) содержание для каждого периода обучения.

3. Произвести отбор материалов из различных вариантов с максимальным сохранением структуры международного экзамена.

Последний принцип имеет ключевое значение для адаптации материалов к текущему учебному процессу. К основным приемам адаптации можно отнести: тематический и лексико-грамматический отбор материала, сокращение количества заданий, введение дополнительных заданий (перевод, тестирование по страноведению).

Планируемое достижение уровней владения испанским языком согласно учебной программе:

- первый семестр — A1 (около 150 часов);
- второй семестр — A2 (около 200 часов);

- третий семестр — B1 a (около 200 часов);
- четвертый семестр — B1 b / B2 (около 200 часов).

Мы разработали следующую модель рубежного контроля по испанскому языку:

Раздел I: Чтение (понимание и интерпретация оригинального текста). Максимальная оценка 20 баллов.

Раздел II: Письмо (выполнение задания продуктивного типа, редактирование текста с ошибками). Максимальная оценка 15 баллов.

Раздел III: Грамматика и Вокабуляр (выбор правильного ответа из четырех вариантов, перевод). Максимальная оценка 20 баллов.

Раздел IV: Аудирование (понимание основной идеи, выделение нужной информации). Максимальная оценка 15 баллов.

Раздел V: Устное собеседование по теме. Максимальная оценка 30 баллов.

Раздел VI: Тестирование по страноведению. Максимальная оценка 10 баллов.

Результаты тестирования оцениваются следующим образом: «отлично» — $80 \leq 100\%$ правильных ответов; «хорошо» — $70 \leq 80\%$ правильных ответов; «удовлетворительно» — $60 \leq 70\%$ правильных ответов; «не зачтено» — $\leq 60\%$ правильных ответов.

Многолетний опыт обучения по разработанной подтверждает эффективность разработанной модели рубежного контроля для студентов языкового вуза и слушателей программы профессиональной переподготовки: данная модель хорошо интегрируется в учебный процесс (занимает 3—4 аудиторных часа), адекватно отражает текущий уровень владения языком, готовит студентов к самостоятельной подготовке к сдаче международного экзамена DELE.

© Горшкова Е. Е., 2011

М. А. Захарова

Новоуральск, Россия, zamara@inbox.ru

Обучение детей, страдающих нарушением опорно-двигательного аппарата, иностранному языку в условиях средней общеобразовательной школы

Экономические условия нашей жизни складываются так, что часть детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата остаётся вне специального обучения, так как по месту их проживания нет специализированных школ, а оплата их обучения в другом регионе не всегда возможна. Одним из путей решения этой проблемы является интегрированное обучение детей

с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА) в массовой школе по месту жительства. Однако осуществление интегрированного обучения детей с нарушениями ОДА в массовой школе в условиях нашей страны является проблематичным, поскольку ни сами дети, имеющие нарушения ОДА, ни массовые школы ещё не готовы к их принятию.

Попытка интегрированного обучения учащихся в массовой школе показала, что проблемы, возникающие в процессе учения, — это проблемы не только учащихся с нарушением ОДА, но и проблемы учителей и всей общеобразовательной системы в целом.

Педагогический коллектив МОУ «СОШ № 48» города Новоуральска Свердловской области заинтересовался проблемой развития нетрадиционных форм обучения детей с нарушением ОДА. Последовательная ориентация на конструирование учебного процесса в нетрадиционной форме помогла учителям продумать выбор методов, средств и частных приёмов проведения уроков разных школьных дисциплин.

Главное требование к педагогам — соблюдение двигательного и ортопедического режима, создание положительной эмоциональной атмосферы на уроке, что создаёт условия для поддержания мотивации для успешного усвоения школьниками учебного материала.

Одна из целей обучения иностранному языку — развитие способности к общению. На уроках иностранного языка следует учитывать чередование видов деятельности и реализацию зрительно-пространственной активности учащихся, подавать новый учебный материал модулями и работать по перспективному плану, например, на тему. Создание в кабинете опорных учебных пунктов («станции»), интегрированное обучение (например, с историей, географией, физической культурой), учёт принципа детерминированной трудности (не более 80% за урок), индивидуально-дифференцированный подход к ребёнку приведут к улучшению здоровья ребёнка и благоприятной речевой среде, а значит, будут способствовать формированию развитой речи на уроках иностранного языка.

© Захарова М. А., 2011

Л. Е. Зеленина, Н. Н. Сергеева

Екатеринбург, Россия, zel-liliya@yandex.ru

Специфика упражнений на снятие терминологических трудностей при обучении деловому общению (на примере итальянского языка)

Современная практика обучения итальянскому языку, практика подготовки профессиональных пользователей языка основывается на

принципах коммуникативности, который преломляется в ряде более частных принципов, важнейшими из которых является сознательность и практическая направленность целей обучения.

Традиционно все авторы, работающие в данной области, единодушно выделяют в качестве одной из специфических трудностей при овладении деловой сферой общения терминологию. Специфика языка деловой сферы общения заключается в том, что она представляет собой определенный метаязык данной области предметной деятельности и области знания, определенный тезаурус, раскрывающий универсальное и национально специфичное в сфере италяязычного континиума.

Изучение сферы общения на ситуативной основе требует сочетания множественных форм презентации речевого материала, как текстовых, так и аудиовизуальных. Система упражнений должна опираться на основные виды знаний, умений и навыков, которыми должны овладеть студенты.

На снятие трудностей терминологического характера предлагаются следующие виды упражнений:

Если взять предтекстовый этап

— это могут быть упражнения на образование терминов с помощью словообразовательных элементов (*vendere — venditore, comprare — compratore*);

— с помощью приставок найти аналоги в итальянском языке

сгрузить caricare

погрузить

разгрузить

— упражнения на сочетаемость лексических единиц

упражнение на введение и первичное закрепление терминологической лексики по теме урока. Это могут быть упражнения, когда надо вставить букву, слог, поработать с карточками с новыми словами. Составление семантического поля по определенной теме.

В итальянском языке в деловом общении очень часто используются причастия. Поэтому будет целесообразным ввести упражнения на образование причастий.

Запоминанию лексики также способствует составление антонимов.

Что касается практических навыков владения иностранным языком, то студенты должны свободно владеть лексическим материалом, работать с корреспонденцией и самостоятельно составлять различные документы, иметь представление о ведении деловых переговоров и быть инициаторами диалогического и полилогического общения.

© Зеленина Л. Е., Сергеева Н. Н., 2011

О. С. Кокорина

Екатеринбург, Россия, kokorina.olga@gmail.com

Технологии Web 2.0 в обучении студентов иностранному языку

Существенные изменения в социально-экономических процессах нашей страны, внедрение высоких технологий, формирование глобального информационного пространства не могли не коснуться сферы образования.

С развитием технологий Web 2.0 социальные сети обрели осязаемую основу в виде порталов и веб-сервисов, которые могут быть использованы при обучении студентов иностранному языку:

- Социальные закладки и каталоги (social bookmarking & cataloging). Некоторые веб-сайты позволяют пользователям предоставлять в распоряжение других список закладок или популярных веб-сайтов, ориентированы на использование в академической сфере, позволяя пользователям работать с базами данных цитат из научных статей.

- Социальные библиотеки представляют собой приложения, позволяющие посетителям оставлять ссылки на их коллекции, книги, аудиозаписи и т. п., доступные другим. Предусмотрена поддержка системы рекомендаций, рейтингов и т. п. Таким образом, преподаватель имеет возможность выкладывать в сеть необходимые аутентичные учебники, словари, УМК, рабочие программы по изучаемой дисциплине, курс своих лекций, лабораторные и практические задания. Студенты имеют возможность выкладывать дополнительную литературу, свои реферативные работы и проекты. Кроме того есть возможность выкладывать и мультимедийную информацию (видео, аудио, презентации), принадлежащую студентам и преподавателям, тем самым постоянно пополняя и актуализируя базу знаний.

- Блоги — своеобразный виртуальный рабочий кабинет, в котором постепенно по мере необходимости выкладываются необходимые объявления, тексты, файлы, в том числе и на изучаемом языке, тем самым способствуя формированию у учащихся критического мышления, способности самостоятельного обучения и т. д.

- IP-телефония позволяет устанавливать общение в реальном времени между двумя и более участниками. Это может быть как конференц-общение между преподавателем и студентами, так и общение с носителями языка с использованием текстового и аудио-визуального способов общения.

Таким образом, социальные сети могут и должны стать эффективным инструментом обучения и коммуникации участников образовательного процесса, как внутри учебных заведений, так и за их пределами. Единое информационное пространство позволило бы студентам и преподавателям активно обмениваться научной информацией, размещать текстовые, аудио и видеофайлы, дискутировать по научным темам, общаться с зарубежными студентами, преподавателями и учеными, используя изучаемый язык. Поэтому обучение студентов в социальных сетях является одним из перспективных проектов организации дистанционного образования.

© Кокорина О. С., 2011

Л. И. Кузнецова

Красноярск, Россия, lora_smith@rambler.ru

Актуализация фреймового подхода в учебной лексикографии

Лексикографическое описание лексических единиц в фреймовом словаре осуществляется с позиций фреймового подхода. Фреймовый словарь является инновационной концепцией идеографического словаря тематического типа. Использование фреймового словаря в методике обучения иностранным языкам открывает возможности активизации учебной деятельности и создает предпосылки для успешного усвоения повышенных объемов концентрированной учебной информации.

Особенность фреймового словаря заключается в том, что в нем используется фреймовый подход в организации лексики, разработанный Г. А. Тюриной (Тюрина Г. А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного. М.: МГУ, 2000).

Под фреймовой словарной статьей понимается структура, которая организована на основе фрейма. По определению М. Минского, «фрейм — это иерархическая структура для представления знаний о некоторой стереотипной ситуации, которая понимается как обобщенный фрагмент действительности, типичное положение дел» (Минский М. Структура для представления знаний. Психология машинного зрения. М., 1978).

Словарная статья отображает схематичный набор знаний о мире, который «существуют в когнитивной базе человека и как бы сращиваются с лексикой» (Латышева А. Н. Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов. Мир русского слова, 2004. Вып. № 3).

Методическая задача фреймового словаря реализуется в активизации учебной деятельности и развитии навыков продуктивных видов речевой деятельности. Таким образом, фреймовый словарь способствует формированию коммуникативно-познавательной активности учащихся и создает предпосылки для успешного овладения иностранным языком.

Существует проблема полного охвата и описания информационного содержания фрейма. Научная новизна исследования заключается в исследовании критериев отбора языкового материала для фреймовой словарной статьи.

Отобранный материал был апробирован в ходе эксперимента в практике обучения русскому языку как иностранному. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что актуализация фреймового подхода в учебной лексикографии способствует формированию коммуникативной, познавательной и творческой активности учащихся, формирует устойчивую мотивацию к использованию фреймового словаря.

© Кузнецова Л. И., 2011

Л. А. Лазутова

Саранск, Россия, l_lasutova@mail.ru

К проблеме обучения фонетике иностранного языка в вузе

До сегодняшних дней многие учителя иностранного языка не уделяют должного внимания коррекции произношения, руководствуясь тем, что фонетика — это не главный аспект при обучении иностранному языку. Но следует задуматься о том, что некорректное произношение при коммуникации на иностранном языке может привести к недоразумению, раздражению со стороны слушающего по причине непонимания, а также к изменению отношения окружающих к данному коммуниканту. Из этого следует то, что фонетика — это один из важнейших признаков, характеризующих человека, который с уважением относится к изучаемому им иностранному языку, это, так называемая, воспринимаемая на слух его «визитная карточка».

Обучение иностранному языку должно способствовать развитию у студентов фонетических навыков и умений и формированию у них произносительной культуры изучаемого языка. В этой связи будущим учителям иностранного языка следует предъявлять высокие требования по овладению ими фонетикой изучаемого языка.

Современные методисты отмечают ряд компетенций, которые в той или иной мере находят свое отражение на современном занятии по иностранному языку. Это: 1) отсутствие фонетической компетенции, когда

студенты читают и пишут на иностранном языке, не задумываясь о правильности произношения звуков; 2) перцептивная компетенция, когда студенты слушают и понимают иноязычную речь, но сами не вступают в коммуникацию; 3) перцептивно-продуктивная компетенция низкого уровня, когда студенты не только понимают иноязычную речь, но и умеют выразить свои мысли, иногда с многочисленными фонетическими ошибками; 4) перцептивно-продуктивная компетенция высокого уровня, при которой студенты полностью понимают иноязычную речь и практически без фонетических ошибок могут воспроизводить ее; они стремятся к произносительной норме изучаемого языка, хотя носителями языка такие студенты воспринимаются как иностранцы; 5) перцептивно-продуктивная компетенция высшего уровня, когда студенты понимают и изъясняются на диалектах изучаемого языка фонетически безошибочно (Kelz H. *Phonetische Probleme im Fremdsprachenunterricht*. Hamburg., 1992).

Будущие учителя иностранного языка должны овладеть перцептивно-продуктивной компетенцией высокого уровня. Для достижения этой цели при обучении иностранному языку необходимо активно использовать фонетические упражнения как перцептивного, так и продуктивного характера в качестве имманентной составляющей языковых упражнений.

© Лазутова Л. А., 2011

Е. М. Мельникова

Екатеринбург, Россия, melok1983@mail.ru

Психолого-педагогический аспект обучения будущих учителей музыки иностранному языку

При учете психологических особенностей будущих учителей музыки педагогический процесс проявляется в творческой деятельности студентов, сопровождаемой нарастанием мотивации, самостоятельности, интеллектуальных, волевых усилий, эмоциональных переживаний.

У студентов музыкальных факультетов уровень речевой культуры обычно значительно выше, чем у студентов «естественников». Таким образом, для будущих учителей музыки при обучении иностранному языку необходимо включать упражнения на развитие художественного стиля речи (задания, связанные с поэзией, прозой).

Будущие учителя музыки умеют самостоятельно решать учебные задачи, определять адекватные учебные действия, реализовать самоконтроль. Творческая личность владеет не только приёмами логики и решения различных задач привычными способами, но и сможет найти свой наиболее рациональный путь решения нестандартных задач.

У студентов музыкальных факультетов развита эмоционально-эмпатийная сфера, т. к. эмоции являются содержанием музыки и необходимо почувствовать «лирического героя» музыкального произведения, проявить эмпатию к нему.

У студентов-музыкантов выражены артистизм в поведении (чаще у певцов и дирижеров), потребность привлечь внимание аудитории и выразить себя. Следует включать при обучении иностранному языку ролевые игры.

Будущим учителям музыки свойственна впечатлительность, ранимость, повышенная чувствительность в межличностных отношениях (без «открытости» невозможно обучение искусству). Таким образом, со стороны преподавателя иностранного языка нужна четкая организация работы.

Студенты музыкальных факультетов воспринимают, прежде всего, интонацию, фразировку, ритмическое строение речи. Может первичным быть эмоция, характер сказанного, а не содержание. Преподаватель иностранного языка должен владеть разнообразием интонаций в речи, регистра речи, ее темпов.

У будущих учителей музыки хорошо развита интуиция, то есть при восприятии незнакомого текста «домысливают, достраивают» его содержание. Следует включать задания на антиципацию текста.

Также студентам музыкальных факультетов свойственна хорошая распределяемость внимания, могут одновременно выполнять несколько заданий.

Необходимость учета психологического аспекта возрастает вдвойне потому, что сам предмет обучения — иностранный язык — представляет собой явление, теснейшим образом связанное с мыслительной деятельностью человека. Процесс обучения опирается на психологические, личностные возможности, которыми располагают преподаватель и студенты.

© Мельникова Е. М., 2011

Мамото Ногучи

Осака, Япония, mac_auto1230@yahoo.co.jp

Н. А. Завьялова

Екатеринбург, Россия, st.conference@rambler.ru

Direct Method in Teaching Japanese to Russian Students

The **direct method** of teaching foreign languages, sometimes called the natural method, refrains from using the learners' native language and uses only the target language. It was established in Germany and France around 1900. Characteristic features of the direct method are: teaching vocabulary

through pantomiming, real-life objects and other visual materials

- teaching grammar by using an inductive approach (i. e. having learners find out rules through the presentation of adequate linguistic forms in the target language)

- centrality of spoken language (including a native-like pronunciation)
- focus on question-answer patterns
- teacher-centering

Key strategies of this method may be formulated in the following way:

1. Classroom instructions are conducted exclusively in the target language.

2. Only everyday vocabulary and sentences are taught.

3. Oral communication skills are built up in a carefully graded progression organized around question-and-answer exchanges between teachers and students in small, intensive classes.

4. Grammar is taught inductively.

5. New teaching points are introduced orally.

6. Concrete vocabulary is taught through demonstration, objects, and pictures; abstract vocabulary is taught by association of ideas.

7. Both speech and listening comprehensions are taught.

8. Correct pronunciation and grammar are emphasized.

9. Student should be speaking at least 80% of the time during the lesson.

10. Students are taught from inception to ask questions as well as answer them.

In our teaching activities we use the series of textbooks called «Min-nano Nihongo», which include grammar books, writing supplementaries, vocabulary text books.

Japanese classes are very popular in Russia. Russian people like to learn more about Japanese culture, language, history and business. This interest leads to the atmosphere of mutual understanding and collaboration.

© *Noguchi Makoto, Zavyalova N. A., 2011*

Ю. Р. Овечкина

Екатеринбург, Россия, yulyaenglish@rambler.ru

Применение интегративного подхода в оценивании реальных достижений студентов языкового вуза в иноязычной письменной речи

В практике обучения письменной речи на ИЯ часто не хватает времени на проверку результатов обучения, т. к. значительную часть

занятия занимает изучение нового материала. Более того, проверка чаще всего ориентирована на оценивание языковых средств, т. е. умения и навыки пользования лексикой, грамматикой и произношением для речевой деятельности. Этого недостаточно для достижения студентами практического результата обучения ИЯ. Говоря о практическом результате обучения ИЯ, следует упомянуть о понятии «реальные достижения» студентов по ИЯ.

Реальные достижения студентов по ИЯ — это те знания, умения, навыки и компетенции обучаемых в области иностранного языка, которые они смогут использовать в практической профессиональной деятельности.

Реальными достижениями студентов в иноязычной письменной речи является *коммуникативная компетентность в иноязычной письменной речи* (далее ККвИЯПР). Это способность и готовность обучаемых осуществлять иноязычное письменное общение в сфере личной и профессиональной коммуникации, применяя знания, умения, навыки, стратегии и опыт работы с иноязычным текстом и знания об особенностях построения письменных высказываний в культуре изучаемого языка.

Применению интегративного подхода в оценивании способствует тот факт, что данный подход построен на нескольких методологиях (традиционной, развивающей, личностно-ориентированной) позволяет реализовать принципы компетентного подхода. Это проявляется в личностной направленности обучения и оценивания; формировании и оценивании обобщенных предметных знаний и способов деятельности, развитии смыслообразующих учебных и профессиональных мотивов, что составляет коммуникативную компетенцию в иноязычной письменной речи. Поэтому остановимся на интеграции количественных и качественных составляющих процесса оценивания ККвИЯПР. Такая интегративная шкала дает возможность представить планируемый результат обучения ИЯ письменной речи в форме достигнутого уровня сформированности ККвИЯПР. Для этого необходимо снабдить количественную шкалу измерительным инструментом: проявление таких-то составляющих компетентности — такой-то уровень. Уровень сформированности КК студентов оценивается на основе отобранного содержания базовой шкалы оценок, воплощенной в уровневой градации по степени овладения этим содержанием, спроецированным на профили содержания каждой составляющей КК.

Мы предлагаем выделять уровни готовности к созданию письменного текста, что объясняется целью профессиональной подготовки

студентов языкового вуза — воспитание языковой личности: *организационный, лингвистический, мотивационный уровни.*

© Овечкина Ю. Р., 2011

В. А. Пахарукова

Волгоград, Россия, weronika-sta@yandex.ru

Немотивированные реалии межкультурной коммуникации

Различные проблемы одного из самых привлекательных и наиболее распространенных слов, как «межкультурная коммуникация», являются сегодня наиболее обсуждаемыми.

Термин межкультурная коммуникация включает широкий диапазон коммуникативных проблем, которые неизбежно возникают в организации, состоящей из представителей разнообразных социальных, религиозных, этнических и технических групп. Каждая из этих групп привносит в рабочую среду уникальный набор опыта и ценностей, или в любой образовательный проект, в котором можно проследить черты той культурной среды, в которой они выросли, а теперь работают (SBE, 2002).

Так, Geert Hofstede полагает, что источники наших ментальных программ или программное обеспечение нашего интеллекта лежат в социальных условиях, в которых каждый из нас вырос и приобрел свой жизненный опыт. Программирование начинается в семье, затем продолжается в общении с соседями, в школе, в молодежных группах, на работе и в социуме (Geert Hofstede, N. Y.: 2005).

Культура — это всегда коллективный феномен. Это так, потому что имеет отношение, по крайней мере, к людям, которые живут или жили в той же социальной среде. Культура состоит из неписанных правил социальной игры. Это — *коллективное программирование интеллекта, которое отличает членов одной группы или категории людей от других.*

В этой связи черты культуры отнесли к наследуемым факторам, так как философы и другие ученые прошлого не знали, как иначе объяснить удивительно стабильные различия в культуре групп людей (Geert Hofstede, N. Y.: 2005).

Проанализировав различные определения и подходы к проблемам МК, мы хотели бы сфокусировать наше внимание и поразмышлять над *проблемой мотивации и ценностей* индивида при взаимодействии с партнерами, принадлежащими к различной культурной среде.

Все мы знакомы со стереотипами, которые являются одной из серьезных проблем в МК. Тенденция же следовать нашим представлениям об отдельных группах людей, основанных, главным образом, на ранее сформированных мнениях, восприятиях и отношениях, является часто защитным механизмом, способом снизить тревожность.

Таким образом, межкультурная компетенция включает не только знание культуры и языка, но также эффективные поведенческие умения, такие как эмпатия, человеческое тепло, харизма и способность управлять тревожностью и неопределенностью (Gudykunst, 1998).

© Пахарукова В. А., 2011

Г. В. Походзей

Печора, Россия, g.v.pokhodzey@mail.ru

Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения

Специфика функционирования языка в качестве иностранного состоит в том, что его коммуникативная функция обеспечивает межкультурное общение. Возникает ситуация встречи коммуникантов, которые пользуясь одним и тем же языком, неодинаково воспринимают передаваемые сообщения, поскольку порождаемые ими языковые структуры построены на основе разных социокультурных структур (Баранова Н. П. Социальные детерминанты современных систем языкового образования // *Замежные мовы у Рэспубліке Беларусь*. — 2006. — № 3). Следовательно, в межкультурном общении важное условие успеха — обеспечение взаимопонимания посредством создания общего коммуникативно-прагматического пространства. Это возможно при формировании у обучаемых социокультурной компетенции, учитывающей культурно-психологические особенности коммуникативного поведения носителя языка.

Под культурно-психологическими особенностями коммуникантов имеются в виду этнически обусловленные особенности сознания и менталитета, которые актуализируются через поведение участников интеракции, придавая ему социокультурную специфику. Следовательно, носители различных культур при вступлении в коммуникативный контакт могут выбирать различные стратегии коммуникативного поведения, обусловленные их культурно-психологической спецификой. В результате могут возникнуть серьезные сбои в межкультурном общении, так как реализующий межкультурную коммуникацию собеседник сознательно отбирает содержание и языковое оформление, необходи-

мые для адекватной, с точки зрения социокультурных норм общения и в рамках изучаемого социума, реакции на высказывание иноязычного собеседника и формулирует релевантные для речевого акта высказывания соответственно условиям ситуации межкультурного общения (Леонтьев А. А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин и др. / АН СССР, Институт языкознания. — М. Наука, 1977).

По мнению И. И. Халеевой, умение делать корректные прагматические выводы из речевого произведения носителя языка является одним из ключевых средств, с помощью которых коммуникант может «пробыть внутрь сознания» говорящего. Это одно из основных средств к пониманию механизма социального взаимодействия (Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: сб. науч. ст. / Рос. АН, Институт русского языка РАН. — М., 1995).

Итак, с психологической точки зрения, ориентация субъекта общения проявляется в процессе отражения и переработки в психике информации, поступающей извне, в результате которой формируется стратегия поведения. Следовательно, выбор адекватной стратегии речевого поведения социокультурно детерминирован знанием культурно-психологических особенностей носителя языка — адресата и умением использовать эти знания для моделирования аутентичного речевого поведения.

© Походзей Г. В., 2011

Н. С. Роготнева

Екатеринбург, Россия, nadya_rogotneva@list.ru

Личностные качества специалистов-лингвистов в составе лингво-нормативной учебной компетентности

С позиции компетентного подхода в образовании личностные качества специалиста рассматриваются в составе психологической структуры компетентности наряду с положительной мотивацией, ценностно-смысловыми представлениями, знаниями и умениями. Пристальное внимание к вопросу личностных качеств специалиста проистекает из заявленной цели обучения, интерпретируемой как развитие личности на основе приобретения опыта самостоятельного решения новых,

нестандартных проблем в рамках которого получает реализацию идея личностной ориентации образования. В центре внимания — обучаемый как субъект жизни и процесса обучения, личность как комплексный феномен и, следовательно, содержание образования включает создание условий для комплексного развития личности, которое предполагает развитие активности обучаемых, их самореализации, повышение интереса к деятельности, развитие мотивации к самосовершенствованию, что во многом становится возможным только при сформированности определенных профессионально-значимых личностных качеств.

Рассматривая личностные качества специалистов-лингвистов в составе лингво-нормативной учебной компетентности, понимаемой нами как способность и готовность к эффективному самоуправлению всей учебной деятельностью по обеспечению нормативной правильности иноязычной речи, включая профилактику отклонений, процессуальную коррекцию и коррекцию по результату, мы вслед за Э. Ф. Зеер придерживаемся двухкомпонентной классификации качеств в структуре личности (Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования., М., 2003). К когнитивным личностным качествам, имеющим непосредственное отношение к лингво-нормативной учебной компетентности относятся: внимательность, наблюдательность, гибкость, аналитичность, способность к самоконтролю и рефлексии. *Персональные качества личности* представлены такими качествами, как самостоятельность, инициативность, мобильность, решительность, коммуникативная креативность, целеустремленность, настойчивость, внутренняя дисциплина, ответственность, адаптивность, уверенность в себе. Именно уровень развития данных качеств обуславливает эффективность и успешность процесса становления лингво-нормативной учебной компетентности будущих лингвистов и, следовательно, данные личностные качества должны рассматриваться как отдельные объекты целенаправленного развития.

© Роготнева Н. С., 2011

Е. В. Свалова

Лесной, Свердловская область, Россия, elenasvalova@rambler.ru

Проблемы преподавания английского языка в общеобразовательной школе

Сегодня в России наблюдается процесс модернизации содержания языкового образования на национальном и международном уровнях. Социокультурный контекст изучения иностранных языков в нашей стране существенно изменился за последние несколько десятков лет.

Политико-экономические, технологические и коммуникационные преобразования побудили большое количество людей разных специальностей, интересов и возрастных групп к общению на иностранных языках, среди которых приоритетным является английский язык.

Современное российское общество предлагает широкий спектр платных образовательных услуг в области изучения английского языка. Однако причиной большого спроса населения на услугу «обучение английскому языку», оказываемую на коммерческой основе, мы видим не столько в степени высокой популярности данного иностранного языка, сколько в наличии ряда актуальных проблем, связанных с его преподаванием в общеобразовательных школах нашей страны.

Анализ работ исследователей в области теории и методики преподавания иностранных языков в общеобразовательной школе (Ариян Е. А., Бим И. Л., Биболевой М. З., Гальсковой Н. Д., Зимней И. А., Роговой Г. В., Пасова Е. И. и др.), а также опыта работы педагогов-практиков общеобразовательных школ России (Гулова А. П., Трофимовой Е. В., Галаган О. Н., Ежовой Ж. Е., Владимировой Л. П. и др.) позволяет обозначить актуальные проблемы преподавания английского языка в современной общеобразовательной школе.

© Свалова Е. В., 2011

М. Ю. Семенова

Ростов-на-Дону, Россия, mosap-languages@yandex.ru

Самоидентификация носителей испанглийского языка в США

Испанглийский представляет собой сложное языковое образование, которое, по мнению разных исследователей, можно рассматривать в качестве диалекта, с одной стороны, и самостоятельного языка, с другой. Задача данной статьи в том, чтобы выяснить статус испанглийского языкового образования на основе анализа одного из критериев разграничения отдельного языка от диалекта, который условно можно назвать «самоидентификацией носителей и их этнической ориентацией».

Причиной выбора данного критерия является то, что в случае с испанглийским языковым самосознание его носителей является важнейшим фактором: «Языковое самосознание — это представление говорящих о том, на каком языке они говорят» (Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994, с 94).

С одной стороны, известно, что носители испанглийского активно позиционируют себя как носители нового языка. Об этом свидетельс-

твуют литературные произведения, например, «Испанглийский национальный гимн» Педро Пьетри (1993). С другой стороны, позиция американского государства совершенно иная, не говоря уже о законодательстве. В США наблюдается заметная диспропорция: среди губернаторов штатов только один латиноамериканец, а в военных конфликтах и иных внешнеполитических событиях принимают участие преимущественно потомки эмигрантов из Латинской Америки. Получается, что более 40% населения США, которое является латиноамериканским, не чувствует поддержки со стороны государства (www.nyf.com). Более того, сейчас в стране проходят акции протеста, которые можно было бы объединить под лозунгом «Америка для англоязычных» и которые направлены против испаноязычного населения. Так, в социальной сети «Answerbag» (www.answerbag.com) вопрос о том, можно ли считать испанглийский язык самостоятельным языком, испаноязычными американцами был воспринят крайне положительно, а англоязычными — крайне отрицательно вплоть до полного отрицания существования подобных текстов.

Следовательно, в такой непростой ситуации, когда латиноамериканскому населению, несмотря на действующее законодательство, разрешающее использовать любой язык, по сути, не разрешено говорить по-испански, приходится искать другие формы выражения своей идентичности. Это, в свою очередь, и стимулирует развитие испанглийского как принципиально нового по своей сути языкового образования, имеющего потенциал для получения статуса самостоятельного языка.

© Семенова М. Ю., 2011

Н. Г. Соснина

Екатеринбург, Россия, natalya789@yandex.ru

Научно-исследовательская компетенция в процессе профессиональной подготовки специалистов социокультурной сферы (на примере иностранного языка)

Согласно интерпретации ряда ученых, социокультурная сфера (СКС) — это совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние и потребление. (Карникова О. П. Средства профессиональной подготовки специалистов социокультурной сферы // Вестник СамГУ. — 2008. — №5 / 2 (64). — С. 223—228).

Одной из актуальных проблем данной области является отсутствие квалифицированной профессиональной подготовки кадров. Исходя

из требований ФГОС, выпускник должен обладать универсальными и профессиональными компетенциями. В эпоху инновационной экономики приоритетным направлением подготовки считается научно-исследовательская деятельность (НИД) как сфера формирования соответствующей научно-исследовательской компетенции (НИК). НИД специалиста СКС связана с изучением зарубежного и отечественного опыта рынка услуг, мониторингом потребностей потребителя и адаптацией инновационных технологий к деятельности предприятий СКС. В данном случае владение иностранным языком является неотъемлемым средством НИД, поэтому считаем обоснованным придать дисциплине иностранный язык научно-исследовательскую направленность.

Под научно-исследовательской компетенцией будущих специалистов социокультурной сферы при обучении иностранному языку мы понимаем совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих использовать современные научные принципы и методы исследования зарубежного рынка услуг и обеспечивающих готовность к адаптации инновационных технологий СКС с учетом потребностей потребителя.

Структура и содержание НИК включает в себя знание грамматических правил изучаемого ИЯ, лексических единиц общего и терминологического характера; умение получать информацию из зарубежных источников по профилю направления подготовки; навыки критического восприятия информации и письменного аргументированного изложения собственной точки зрения; способности находить, анализировать, обрабатывать научно-техническую информацию в области зарубежного рынка услуг; готовности к применению прикладных методов исследовательской деятельности в СКС и адаптации зарубежных инновационных технологий с учетом социально-демографических факторов.

Таким образом, НИК может рассматриваться как критерий профессиональной подготовки будущих специалистов СКС при обучении ИЯ.

© Соснина Н. Г., 2011

О. И. Уланович

Минск, Беларусь, oksana.ulanovich@mail.ru

Специфика репрезентирования и функционирования языковых знаков в сознании билингва

Рассмотрение языка как миромоделирующей системы в сознании человека, а языкового знака как инструмента концептуализа-

ции сознания позволяет увидеть ряд проблем дидактики языка в свете «человеческого фактора». Это дает возможность анализировать овладение языком как процесс когнитивного моделирования действительности, аналогового, но субъективного отражения мира в сознании с учетом принципа единства знака, аффекта и интеллекта.

Понимание речи обеспечивается «нормативной тождественностью» значений слов в языке, тогда как в сознании за ними скрываются индивидуальные *смыслы*. Языковые знаки ментально репрезентируются через формирование их «субъективного психологического наполнения». Его содержание определяется контекстом, в котором имело место усвоение языкового знака: эмоциональным, образным, семантическим, культурно-историческим. Знак «впитывает» в себя из всего разнообразия речевых практик, в которые он вплетен, интеллектуальные и аффективные отношения, образуя в сознании знаково-интеллектуально-эмоциональные триединства как основу концептуального лексикона.

При овладении языковыми единицами (словами, грамматическими и синтаксическими структурами) отмечается асимметрия в усвоении физической (формальной) стороны знака (его акустического, графического и артикуляторного образов) и формировании адекватного концепта. Формальный знак усваивается быстрее: слово — сосуд, который дан нам готовым, но наполняем мы его содержанием в своем сознании самостоятельно, постепенно и последовательно.

Овладение языковыми единицами и формирование лексикона можно представить как последовательное движение от этапа доконцептуального лексикона через стадию псевдоконцептуального лексикона к концептуальному лексикону. Такая динамика обусловлена возрастными характеристиками субъекта общения (этапами развития интеллекта), а также богатством его социального и речевого опыта.

Психологическое наполнение семантически эквивалентных слов разных языков в сознании билингва не тождественно. Овладение иностранным языком детерминировано обязательной этапностью концептуализации иноязычного лексикона (доконцептуальный — псевдоконцептуальный — концептуальный), что знаменует формирование автономной системы концептов на инструментальной основе иноязычных знаков через их интеграцию в сознании с адекватными интеллектуальными и эмоциональными со-компонентами.

© Уланович О. И., 2011

О. В. Фрезе

Омск, Россия, ofreze@rambler.ru

Комплекс упражнений для обучения студентов неязыкового вуза письменному деловому общению в электронной среде

Сегодня одной из методических задач в области иноязычного письменного делового общения является разработка комплекса упражнений для формирования умений письменного делового общения в электронной среде у студентов в условиях неязыкового вуза в рамках Программы подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Поскольку целью обучения письменной деловой электронной переписке на АЯ является формирование и развитие соответствующих умений, то комплекс упражнений должен быть ориентирован на развитие всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза в сфере письменной деловой электронной коммуникации. Таким образом, представлены упражнения для развития общей и специфической лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, социокультурной составляющих иноязычной коммуникативной компетенции в письменном деловом общении в электронной среде и компетенций в сфере ИКТ.

Предложенный комплекс упражнений основан на следующих положениях:

1. Учет принципа поэтапности в формировании речевых навыков и умений. При реализации принципа выделяют четыре этапа, составляющих основу формируемой речевой деятельности: *ознакомительный* (сообщение знаний, введение речевого образца), *стандартизирующий* (формирование речевого навыка, в результате выполнения языковых упражнений), *варирующий* (совершенствование речевого навыка и формирование речевых умений с помощью речевых упражнений в ситуациях учебного общения), *творческий* (развитие речевых умений в различных ситуациях общения не только учебного, но и неучебного характера).

2. Комплекс упражнений по обучению письменному деловому общению в электронной среде базируется на функционально взаимосвязанных упражнениях. Мы полагаем, что для формирования иноязычной коммуникативной компетенции в письменном деловом общении в электронной среде необходимы следующие виды упражнений: подготовительные, репродуктивно-продуктивные и продуктивные.

Подчеркнем еще раз, что плодотворность и обоснованность предлагаемого комплекса обучения письменному деловому общению заключается в том что, навыки и умения формируются в условиях, адекватных той деятельности, в которой они будут функционировать, т. е. в условиях иноязычного письменного делового общения в электронной среде.

© Фрезе О. В., 2011

М. В. Цаулян

Бельцы, Молдова, mtaulean@yahoo.com

On developing intercultural awareness through folktales at EFL classes

Reading is one of the main sources of language and socio-cultural information. Books open up other worlds to learners, and making reading an enjoyable activity are very important part of the language learning experience. The opportunity of using folktales at English lessons (myths, legend, fantasy, fables, and fairy-tales) is enormous, because they help not only to learn a foreign language, but also to enrich students by understanding better the socio-cultural reality of any country. Fundamental fascination with the world of folktales is common to every culture. According to Nieto, culture is «the ever — changing values, traditions, social relationships, and world view shared by a group of people bound together by a common history, geographic location, language, social class, and/or religion» (Nieto N. *Managing Cultural Differences*. Houston: Gulf, 1991). Cultural diversity has been identified as perhaps the most important issue in educational practice today. Unfortunately folktales, myths or legends are not widely used in ELT. But we consider them a rich source of authentic material that is highly motivating to young language learners. The technique and content of folktales, states Hall, «involves a study of human culture and encompasses universal themes of tradition, celebration, wisdom, creation, aesthetic appreciation, and community» (Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City. N. Y.: Anchor, 1996). This process is reflective, helping to dismiss stereotypes and enable our students to recognize their commonalities through the universal humanity, which is represented. Commonalities within folktales are not limited; they extend to mental and emotional distinctiveness as well.

We consider that in an EFL classroom, a folktale can be used for various purposes: a / To foster language learning by providing rich and varied content (Folktales work on students' imagination). b / To develop critical thinking. (Folktales deal with fundamental themes. They are relevant to all kinds of readers.) c / To explore cultural contexts. (They are part of a

nation's cultural heritage. They include elements of history, geography or even climate). d / To provide intercultural contexts: they are often «international» coming from deep inside European culture as well as from deep in our psyche. Thus, many folktales are the same or recognizably similar, and their nationality is not so important.

Folktales hold rich opportunities for increasing cultural vision and intercultural awareness while being enjoyable and promoting creative talents. We are sure that it is the teachers' responsibility to take on a leadership role in designing effective ways of working with culturally—diverse students and learning important things from one another, to confront fears based on stereotypes, and to exterminate stereotypical thinking.

© Цаулян М. В., 2011

Г. С. Чекаль, А. А. Палий, Е. А. Плотников

Нежин, Украина, ndu.efl@gmail.com

Реализация дидактических принципов в зачетных проектах студентов по курсу «Компьютерные технологии в обучении иностранным языкам»

Указанный в заглавии курс преподается в Нежинском государственном университете имени Николая Гоголя студентам в IX семестре и состоит из 6 лекционных и 30 часов практических занятий. В курсе студенты получают информацию о специфике использования новых технических средств в обучении иностранным языкам, а также приобретают навыки создания компьютерных учебных материалов. Работа над курсом организована в виде выполнения студентами проектов, что предполагает не только усвоение некоторых теоретических знаний, но и разработку учебных материалов по одной из тем школьного курса английского или немецкого языков. Для зачета по курсу студенты должны организовать и провести презентацию своего проекта. Обязательное требование к проекту состоит в реализации дидактических и методических принципов, специфичных для компьютера как технического средства обучения. Студенты работают над проектом в парах и каждая пара, помимо прочего, должна продемонстрировать реализацию одного из нижеуказанных принципов:

- наглядность (зрительная и слуховая);
- взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности;
- индивидуализация обучения.

Нужно обратить внимание, что реализация в разрабатываемых учебных материалах такого важного методического принципа, как ком-

муникативная направленность учебного процесса, не предусмотрена, прежде всего, потому, что его весьма трудно реализовать в рамках компьютерного обучения. Несмотря на это, студентам дается установка создавать инструкцию к выполнению упражнения приближенную к условиям реальных ситуаций общения, а там где это возможно, делать упражнения коммуникативными.

Созданные студентами компьютерные учебные материалы используются ими во время прохождения педагогической практики в общеобразовательных школах в X семестре и могут служить основой для написания квалификационных заданий как составляющей части государственного экзамена по методике преподавания иностранных языков. Опробованные таким образом материалы в дальнейшем предлагаются учителям школ для внедрения в учебный процесс.

© Чекаль Г. С., Палий А. А., Плотников Е. А., 2011

Цюэже Чжао

Чаньчун, провинция Дзилинь, КНР, zhaociuzhe@rambler.ru

Н. А. Завьялова

Екатеринбург, Россия st.conference@rambler.ru

Особенности преподавания китайского языка в России

В современном мире знание иностранных языков является необходимым условием развития успешной карьеры. Знание китайского языка открывает неограниченные перспективы в любой сфере человеческой деятельности, однако овладение данным языком представляет определенные трудности.

Из опыта преподавания китайского языка в УрГПУ (г. Екатеринбург, Россия) отметим, что для успешного овладения китайским языком русскоговорящими студентами необходимо правильно сформулировать цели обучения. На наш взгляд, главные цели состоят в том, чтобы выработать у студентов первоначальные практические навыки общения на китайском языке и одновременно заложить теоретические и практические основы для дальнейшего изучения языка. Введение и отработка языкового материала предполагает изучение текстов, лексических и грамматических комментариев, а также выполнение упражнений на закрепление и развитие языковых знаний и навыков, в том числе, произносительных и письменных навыков, владение пройденной лексикой и грамматикой. К числу типовых видов упражнений относятся: задания на составление предложений по предлагаемому образцу, лексические

подстановочные упражнения, упражнения на развитие коммуникативных навыков, навыков перевода с китайского языка и на китайский язык, грамматического анализа предложений.

На наших занятиях особое внимание уделяется знакомству с иероглифами, которые представляют особые трудности как в плане содержания, так и в плане запоминания написания порядка черт. С целью снятия трудностей запоминания мы активно прибегаем к методу расшифровки семантики иероглифа, знакомства с его ключом и фонетиком, группой синонимичных иероглифов, группой иероглифов с аналогичными ключами или фонетиками.

Овладение основами фонетики и грамматики китайского языка требует последовательного и непрерывного закрепления и развития этих навыков, главное внимание на наших занятиях мы уделяем не изложению теории, а активной практической аудиторной отработке произносительных навыков и знания грамматических правил.

В плане овладения иероглификой мы ставим перед собой следующую задачу. Необходимо сформировать у студентов представление об иероглифике как о рациональной системе письма с определенным конечным числом знаков-основ и определенными правилами знакообразования. Иероглифы являются символом китайской культуры и знакомство с ними является своеобразным погружением в историю китайской цивилизации.

© Чжао Цючже, Завьялова Н. А., 2011

Г. Н. Чиршева

Череповец, Россия, chirsheva@yandex.ru

Переключения кодов и этапы развития детского билингвизма

При изучении детских кодовых переключений необходимо учитывать возрастные показатели речевого развития ребенка и особенности поэтапного формирования его билингвизма. Представляется возможным даже на ранних этапах билингвального развития применять модели, разработанные для анализа билингвальной речи взрослых (Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford, 1993): это дает возможность сопоставить очередность появления четырех групп морфем (три группы системных и одна группа содержательных) в ходе их усвоения ребенком-билингвом.

Как свидетельствуют эмпирические данные, первыми в речи ребенка на обоих языках появляются содержательные морфемы, затем «ранние»

системные морфемы. Системные морфемы второй и третьей групп, возможно, тоже появляются в онтогенезе в той же очередности, что и в ходе структурирования высказывания, так как поздние внешние системные морфемы необходимы для построения целого предложения, а поздние соединительные — для оформления синтаксемы и словосочетания.

Поскольку до двух лет в высказываниях ребенка присутствуют только знаменательные слова, то принцип системных морфем еще не начинает действовать. Это не означает, что в его высказываниях нет системных морфем. Они присутствуют, но реализуются не системно, поскольку соответствующие грамматические категории ребенком еще не усвоены.

Системные морфемы начинают появляться и систематически употребляться только на этапе от двух до двух с половиной лет. Следовательно, высказывания двухлетнего ребенка уже можно изучать на основании принципа системных морфем с учетом того, какие системные морфемы способны появиться и регулярно появляются в его речи. На этом этапе вступает в действие и принцип стимулирования островов гостевого языка, хотя и с учетом ряда ограничений.

На следующем этапе (от двух с половиной до трех лет) присутствуют уже несколько второстепенных членов предложения, а средняя длина высказывания равняется 3,5 морфем. На пятом этапе (от трех до трех с половиной лет) два простых предложения соединяются сочинительной связью, появляются разделительные вопросы, а средняя длина высказывания равняется 4,0 морфем. Поэтому, начиная с пятого этапа речевого развития, в период устойчивой билингвальности, детские билингвальные высказывания можно анализировать с применением всех принципов рамочной модели матричного языка.

На этапе убывания билингвальности правила переключения кодов продолжают соблюдаться, но некоторые ограничения снимаются, а правила матричного языка в двуязычной синтаксеме часто нарушаются.

© Чиршева Г. Н., 2011

К. М. Чуваева

Санкт-Петербург, Россия, ksushona@bk.ru

Курс русского языка в системе подготовки иностранных абитуриентов технических вузов Российской Федерации

С ускорением интеграционных процессов в современном обществе, ростом академической мобильности, повышением конкуренции

на мировом рынке образовательных услуг проблемы подготовки иностранных специалистов в вузах Российской Федерации становятся все более актуальными.

Этап предвузовской подготовки является важнейшим этапом в системе профессионального образования иностранных граждан в российских вузах. Цель предвузовского этапа обучения определяется как «способность учащегося осуществлять учебно-познавательную деятельность средствами неродного языка в неродной материальной и социокультурной среде» (Сурыгин А. И. Дидактический аспект обучения иностранных учащихся (основы теории обучения на неродном для учащихся языке). СПб., 2000. — С. 67).

Русский язык является для иностранных учащихся средством получения будущей специальности. В связи с этим содержание курса русского языка уже на начальном этапе предвузовской подготовки должно отвечать принципу профессиональной направленности обучения. Профессиональная направленность обучения русскому языку иностранных абитуриентов реализуется в изучении научного стиля речи.

Значительную часть контингента иностранных граждан, традиционно составляют студенты инженерных специальностей, обучающиеся в технических вузах. В последние десятилетия в теории и практике обучения русскому языку как иностранному все чаще фигурирует понятие *иностранцы учащиеся инженерного профиля*. Основанием для выделения данного контингента в самостоятельный профиль обучения являются специфические особенности когнитивных и мыслительно-речевых процессов учащихся инженерного профиля, а также стереотипные стратегии осуществления учебно-познавательной деятельности.

Таким образом, в настоящее время при обучении русскому языку иностранных абитуриентов технических вузов актуальными являются следующие проблемы: формирование коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения; учет особенностей учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся технического (инженерного) профиля; создание учебно-методических комплексов по научному стилю речи, отвечающих современным требованиям теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

© Чуваева К. М., 2011

Научное издание
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ
ежегодной международной научной конференции
4–5 февраля 2011 года
г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать 10.06.11. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 150 экз.
www.usru.ru

Оригинал-макет А. Б. Арабтанов

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2011 г.